

ISSN 2500-0608

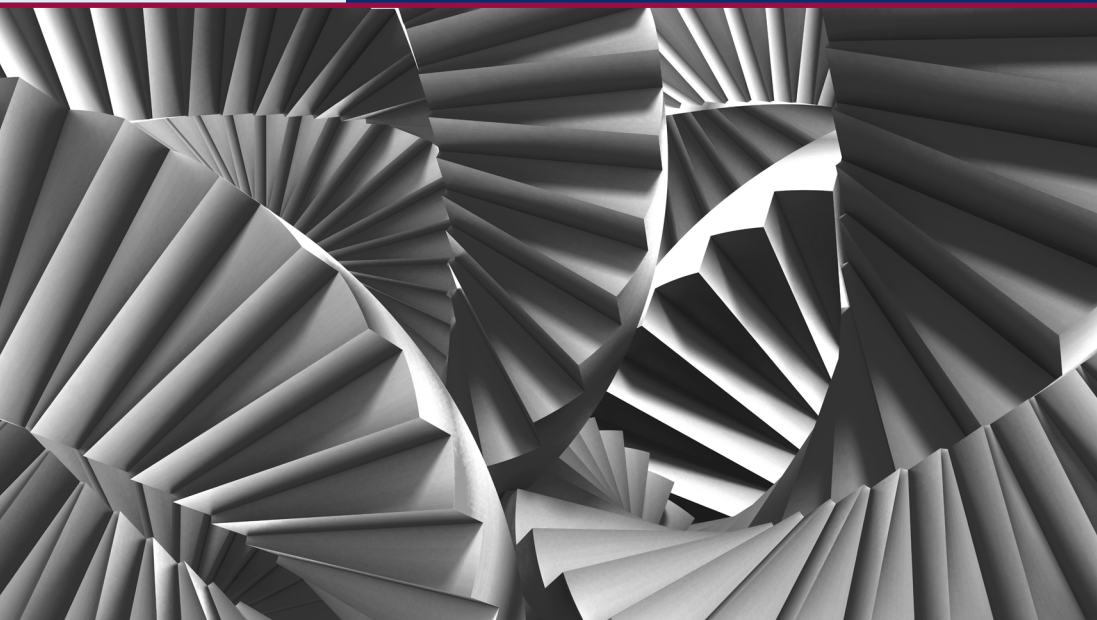

ДОСТУПНОСТЬ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: КАК ПРЕВРАТИТЬ ЭКСПАНСИЮ В РАВЕНСТВО

С.С. Малиновский, Е.Ю. Шибанова

Современная аналитика образования

№ 7 (67)
2022

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ

**ДОСТУПНОСТЬ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ:
КАК ПРЕВРАТИТЬ ЭКСПАНСИЮ
В РАВЕНСТВО**

Серия
Современная аналитика
образования

№ 7 (67)
2022

УДК 37
ББК 74
М 19

Сопредседатели редакционного совета серии:

Я.И. Кузьминов, к.э.н., научный руководитель НИУ ВШЭ;
И.Д. Фрумин, д.п.н., главный научный сотрудник Института образования НИУ ВШЭ

Руководители Комитета по выпуску серии:

С.И. Заир-Бек, М.А. Новикова

Рецензенты:

В.А. Болотов, научный руководитель Центра психометрики и измерений
в образовании Института образования НИУ ВШЭ;

В.А. Мальцева, старший научный сотрудник Центра развития навыков
и профессионального образования Института образования НИУ ВШЭ

Малиновский, С.С., Шибанова, Е.Ю. Доступность высшего образования в России: как превратить экспансию в равенство / С.С. Малиновский, Е.Ю. Шибанова; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. — М.: НИУ ВШЭ, 2022. — 78 с. — 100 экз. — (Современная аналитика образования. № 7 (67)).

Достигнув массового охвата третичным образованием, Россия столкнулась с новым вызовом: как конвертировать образовательную экспансию в равенство образовательных возможностей. Относительный охват высшим образованием стабилизировался, а прирост числа мест в вузах распределился неравномерно: по группам населения, по университетам, по регионам. Несмотря на экспансию высшего образования, доступность разных уровней третичного образования социально детерминирована, качество высшего образования становится социально обусловленной привилегией. Цель доклада — проанализировать системные вызовы, связанные с доступностью высшего образования и дифференциацией образовательных возможностей, а также предложить направления изменений для ответа на эти вызовы и риски.

Представленный анализ будет полезен исследователям образования и широкому кругу читателей, интересующихся проблематикой доступности высшего образования. Полученные результаты могут быть использованы при построении гипотез дальнейших исследований доступности высшего образования, неравенства образовательных возможностей, а также при планировании политики в области образования.

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Институт образования, 2022

© Фото на обложке: thiagommelo@gmail.com / Фотобанк Фотодженика

Содержание

Введение	4
1. Динамика охвата третичным образованием в России и его структурные изменения	8
2. Системные вызовы дифференциации образовательных возможностей в высшем образовании	17
2.1. Социальная стратификация в третичном образовании	17
2.1.1. Издержки и риски трекинга.....	17
2.1.2. Социальная поляризация высшего и среднего профессионального образования.	20
2.1.3. Социальные барьеры доступа к третичному образованию.	25
2.2. Доступность «количества» высшего образования	28
2.2.1. Дисбаланс образовательных ожиданий и возможностей. ..	28
2.2.2. Доступность коммерческого и бюджетного высшего образования.	30
2.2.3. Адаптация к росту демографической нагрузки.	34
2.3. Доступность качества высшего образования	36
2.3.1. Социальная дифференциация доступа к качеству высшего образования.	36
2.3.2. Повышение доступности постбакалаврского образования.....	41
2.4. Межрегиональные различия	43
2.4.1. Образовательная миграция и территориальные диспропорции.....	43
2.4.2. Региональная дифференциация доступности качественного высшего образования	47
Заключение и рекомендации	50
Список литературы	56
Приложение	62

Аббревиатуры

вуз — высшее учебное заведение

ЕГЭ — Единый государственный экзамен

ОЭСР — Организация экономического сотрудничества и развития

СПО — среднее профессиональное образование

КЦП — контрольные цифры приема (места в вузах, финансируемые из средств государственного бюджета)

НКО — некоммерческие организации

ISCED — International Standard Classification of Education (Международная стандартная классификация образования)

LMS — Learning Management System (системы управления обучением)

NEET — Not in Education, Employment or Training (население, не участвующее в рынке труда и образовании)

Введение

Многие страны достигли массового охвата третичным образованием. Но возросшее число студентов не означает пропорционально большей доступности высшего образования для бедных и неблагополучных семей. По всему миру наиболее обеспеченные группы населения стали основными выгодоприобретателями образовательной экспансии, и разрыв в равенстве образовательных возможностей может только увеличиваться [Arnhold, Bassett, 2021]. За редким исключением, вопрос обеспечения равенства доступа к высшему образованию является актуальной повесткой в образовательной политике большинства стран [Salmi, 2019].

Россия — страна с одним из самых высоких уровней развития человеческого капитала [World Bank, 2020], что во многом обеспечивается за счет средней продолжительности образования — как школьного, так и высшего. Маркетизация высшего образования после 1991-го года способствовала расширению числа доступных мест и привлекла в вузы ранее не представленные группы населения [Константиновский, 2018]. Сегодня как среди населения, так и в среде экспертов сохраняются представления о всеобщности высшего образования в России [Бессуднов, Куракин, 2017]. Большая часть стратегических документов в области развития высшего образования адресуется к необходимости его высокого охвата. Бесплатное высшее образование гарантируется Конституцией РФ, и население предъясняет массовый спрос на диплом вуза.

За последнее десятилетие произошли структурные изменения, которые позволяют говорить о завершении экспансии высшего образования, структурной консолидации и сокращении позиций высшего образования в третичном сегменте — как в абсолютных, так и в относительных значениях. Экспансия высшего образования в России завершилась, и относительная обеспеченность молодежи местами в вузах стабилизировалась.

Россия — одна из самых образованных наций в мире. Однако, как и во многих других государствах, расширение участия молодежи в третичном образовании во многом произошло за счет менее престижных, краткосрочных и практикоориентированных программ [Arnhold, Bassett, 2021]. Сравнительно большое число мест в вузах распределилось неравномерно: по группам населения, по университетам, по регионам. Учащиеся из наименее обеспеченных или малообразованных семей выталкиваются из высшего образования. Вузовский ландшафт стратифицируется, и на повестку

дня выходит вопрос о доступности качественного высшего образования. Качество образования становится социально обусловленной привилегией, а хорошо подготовленные абитуриенты далеко не всегда поступают в вузы, соответствующие их уровню подготовки.

Разделение по образовательным траекториям способно закреплять социальную стратификацию. Несмотря на расширение охвата высшим образованием, межпоколенческая социальная мобильность в России оставалась стабильной на протяжении нескольких десятилетий после перехода от социализма к рынку [Yastrebov, 2016]. Доходы детей высоко коррелируют с доходным статусом родителей, при этом уровень образования следующих поколений может не играть принципиальной роли в определении межпоколенческой корреляции уровней дохода [Borisov, Pissarides, 2020].

Глобальная пандемия ударила по материальному положению семей, внесла коррективы в образ жизни домохозяйств и в условия образования детей, перешедших на дистанционный режим обучения. В новой реальности цифровые технологии могут быть как источником стратегической устойчивости образовательной системы, так и механизмом усиления неравенства [Arnhold, Bassett, 2021].

Цифровые технологии дают надежду на снижение территориальных барьеров доступности, улучшение качества массового обучения и повышение гибкости образовательных процессов. Но подобная шоковая трансформация может усиливать системные проблемы дифференциации образовательных возможностей и создавать принципиально новые эффекты неравенства. Сравнительно успешная адаптация российских вузов к дистанционному формату обучения не сделала менее актуальной проблему цифрового неравенства. Цифровой разрыв связан как с инфраструктурными ограничениями, так и с трудностями в освоении новых технологий.

Перед Россией стоит задача, существенно более сложная, чем расширение количества мест в третичном образовании: как конвертировать массовый охват в большее равенство образовательных возможностей? Предлагаемый доклад анализирует результаты экспансии, концентрируясь на вызовах социально обусловленной дифференциации в распределении «количества» (доступности мест в вузах) и качества высшего образования. Цель доклада состоит в анализе системных рисков доступности и неравенства образовательных возможностей, которые могут угрожать устойчивому развитию системы высшего образования и общества в целом.

Доклад состоит из трех частей. В первой части представлен анализ динамики охвата высшим образованием и структурных изменений в секторе третичного образования в России за последнее десятилетие. Во втором

разделе рассматриваются системные вызовы, связанные с социальной дифференциацией доступности высшего образования. Для каждого блока вызовов систематизированы риски и предложены возможные решения, учитывающие международную практику. В заключительной части приведены рекомендации для государственной образовательной политики в России по выравниванию образовательных шансов для представителей разных социальных групп.

1. Динамика охвата третичным образованием в России и его и структурные изменения

В постсоветский период Россия заняла лидирующие в мире позиции по охвату населения третичным образованием. К третичному образованию в России относится среднее профессиональное образование (ISCED5) и программы высшего образования в бакалавриате (ISCED6), специалитете и магистратуре (ISCED7), аспирантуре (ISCED 8). Эти секторы третичного образования существенно различаются. Среднее профессиональное и высшее образование предоставляются в разных типах учебных заведений, регулируются отдельными образовательными стандартами; учреждения имеют разную подведомственность, существенно разнятся по социальному бэкграунду студенческого контингента, экономической отдаче и т. д. В целом по охвату третичным образованием Россия уступает немногим странам, но по охвату именно высшим образованием (ISCED6–8) страна находится на среднем уровне для стран ОЭСР (рис. 1).

Базовые конфигурации охвата третичным образованием в России сформировались в советский период. Череда экспансивных взлетов сменялась постепенной стабилизацией (рис. 2).

В период после Октябрьской революции рост охвата определялся задачами кадрового обеспечения плановой экономики и новой социальной инфраструктуры. В 1956 г. была отменена введенная в 1940 г. оплата обучения в старшей школе, СПО и вузах. В 1958 г. закреплено восьмилетнее всеобщее обязательное образование. Охват высшим образованием удвоился за период 1940—1960 гг., далее оставаясь стабильным вплоть до середины 90-х. Конституция 1977 г. гарантировала бесплатность всех уровней образования.

После распада СССР начался период наиболее активной экспансии высшего образования в России. С середины девяностых до начала второй декады XXI века относительный охват высшим образованием релевантной когорты¹ увеличился двукратно (рис. 2).

Новая Конституция РФ 1993 года гарантировала получение высшего образования бесплатно на конкурсной основе. Это право в том числе закреплено в федеральном законе РФ «Об образовании» 2012 года. За счет федерального бюджета закреплено финансирование высшего образова-

¹ Здесь и далее в качестве релевантной используется возрастная когорта 17–25 лет.

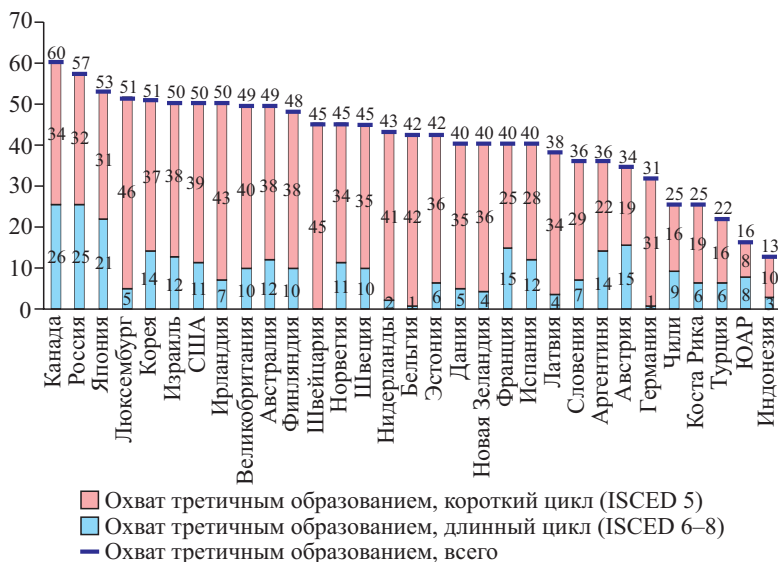

Рис. 1. Охват населения в возрасте 25–64 лет высшим образованием (бакалавриат, магистратура или эквиваленты, ISCED 6–8) (2020 г.), %

Источник: OECD (2021), «Educational attainment of 25-64 year-olds (2020): Percentage of adults with a given level of education as the highest level attained», in Education at a Glance 2021: OECD Indicators, OECD Publishing, Paris: <<https://doi.org/10.1787/5becebdb-en>>.

ния из расчета не менее чем 800 студентов на каждые 10 тысяч человек населения в возрасте от семнадцати до тридцати лет, проживающих в России (ФЗ «Об образовании», статья 100).

Ключевую роль в экспансии в постсоветский период сыграл рост коммерческого сегмента высшего образования. Появление частных вузов и платного образования, массированное открытие филиалов в регионах и стремительный рост заочного сегмента привели к беспрецедентному расширению предложения высшего образования. Сформировалась специфическая для постсоветских стран модель двойного трека (*dual-track model*), когда платное и бюджетное обучение предоставляется в одних и тех же вузах, и, зачастую, на одних и тех же программах. В России примерно половина студентов полностью оплачивает обучение, половина обучается на местах, полностью оплачиваемых из бюджетных средств.

Рис. 2. Охват высшим образованием и численность студентов вузов в РСФСР и России (1940—2020 гг.)

Источники: (1) Охват высшим образованием (соотношение числа студентов и численности возрастной когорты 17–25 лет), численность студентов (левая ось) и число студентов (правая ось) — по данным Госкомстата, Росстата, статистических сборников «РСФСР за 50 лет» ЦСУ при Совете министров РСФСР; «Народное хозяйство в РСФСР», «Индикаторы образования» ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. (2) Валовой охват третичным образованием (левая ось, GTER — gross tertiary enrollment ratio) — по данным Всемирного банка, данные за 2010 и 2020 гг. отсутствуют.

Рыночная экономика подстегнула массовый спрос на направления подготовки в области экономики и управления, сервисных секторов (рис. 3). Сегодня структура направлений подготовки в целом схожа со средними показателями по странам ОЭСР, с некоторым перевесом в сторону инженерных направлений.

Экспансия существенно расширила охват групп населения, ранее в меньшей степени представленных в высшем образовании, в том числе

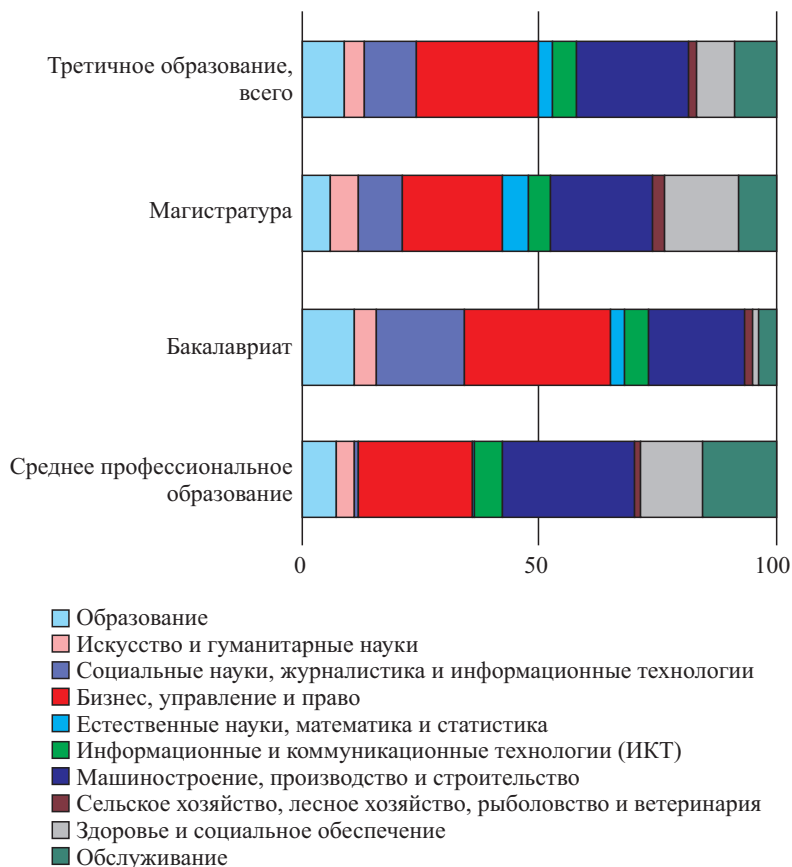

Рис. 3. Структура приема по направлениям подготовки в третичном образовании в России (2019 г.), %

Источник: Distribution of graduates and new entrants by field: Distribution of new entrants by field of education at each ISCED level: <<https://stats.oecd.org/index.aspx?query-id=108597>>.

детей из семей рабочих и занятых в сельском хозяйстве [Константиновский, 2018]. Почти треть молодого поколения россиян с третичным образованием являлись студентами в первом поколении, что выгодно выделяет Рос-

сию среди многих стран ОЭСР (рис. А1, Приложение 1). В первую очередь СПО, а также высшее образование — массового спроса и сравнительно невысокого качества — сыграли ключевую роль в обеспечении подобной образовательной мобильности в первые две декады после перестройки.

Женщины в большей степени представлены в вузах, но гендерные различия в охвате не велики. Гендерный разрыв заметен в представленности женщин на инженерно-технических, математических и естественнонаучных направлениях подготовки, а также в зарплатной премии за образование. На старте карьеры зарплатные ожидания женщин на 40% меньше, чем у мужчин [Шибанова и др., 2021]. В среднем, при контроле образовательных, социально-демографических характеристик и факторов рынка труда, среди недавних выпускников вузов премия женщин за высшее образование на 18–20% ниже, чем у мужчин. Женщины с начальным профессиональным образованием зарабатывают на 25%, со средним профессиональным — на 20%, с высшим — на 18% меньше, чем мужчины [Кирюшина, Рудаков, 2021]. Однако женщины преобладают в низкооплачиваемых профессиях, в первую очередь в социальной сфере, что формирует существенные гендерные различия в заработных платах. Таким образом, при сравнительно сбалансированном охвате, гендерных различиях в зарплатной премии за одинаковое высшее образование, культурно и социально обусловленные различия в выборе направлений подготовки формируют существенные гендерные различия вклада высшего образования в социальную мобильность.

За последнее десятилетие охват высшим образованием в России стабилизировался. Можно говорить о завершении экспансии высшего образования в России и фазе стабилизации показателей охвата [Малиновский, Шибанова, 2022]. Численность мест в вузах на программах бакалавриата, специалитета и магистратуры относительно релевантной когорты сохраняется на уровне 32%. Относительный охват высшим образованием первой ступени (бакалавриат и специалитет) сократился с показателя 35% в 2010 году до 27% в 2016-м и стабилизировался на этом уровне вплоть до настоящего момента (рис. 2).

Стабилизация охвата высшим образованием произошла за счет сокращения коммерческого приема. За последнее десятилетие коммерческий сегмент высшего образования сократился: снизилось и число студентов, и количество вузов. На фоне внедрения мониторинга эффективности вузов и в результате кампании по борьбе с низкокачественным образованием количество вузов (с учетом филиалов) в России за период 2012—2019 гг. сократилось почти в два раза. При этом в наибольшей степени сокращение коснулось частных организаций и филиалов вузов. В том

числе это привело к заметному сокращению предложения заочных программ высшего образования². Количество студентов заочной формы обучения к пику расширения приема на подобные программы (2009—2010 гг.) превышало число очных студентов. Существенное развитие заочного высшего образования было общей чертой большинства постсоветских стран, и Россия по удельной доле заочных студентов опережала почти все страны мира. На фоне консолидации вузовской сети по доле заочных студентов Россия почти вернулась к значениям, наблюдаемым в позднем СССР и в годы перестройки (рис. 2).

Государство устойчиво поддерживает относительную обеспеченность бюджетными местами в вузах. Обеспеченный государственным финансированием охват высшим образованием первой ступени (бакалавриат, специалитет) релевантной когорты в России составляет 12,6% (2020 г.), что, тем не менее, несколько меньше, чем бюджетное обеспечение в позднесоветские времена. Именно за счет коммерческого приема охват высшим образованием релевантной когорты в современной России почти в два раза больше, чем в СССР (Таблица А1, Приложение 1).

Структура охвата постепенно смещалась в сторону магистратуры и бюджетного приема на очные программы. Переход на Болонскую систему изменил структуру охвата в разрезе ступеней высшего образования. Меньше чем за десятилетие доля магистров в студенческом контингенте увеличилась с 3 до 13% (рис. 4).

Большинство магистров обучаются за бюджетные средства. Норма обеспечения бюджетными местами, закреплённая в федеральном законе, распространяется на все ступени высшего образования. Таким образом, происходило перераспределение государственного финансирования в пользу магистратуры. Соответственно, удельная доля бюджетных мест, предполагающих старт образовательной траектории в вузах (бакалавриат и специалитет), сокращалась. Поддержание охвата местами в вузах на программах стартовой ступени высшего образования становится более актуальным в свете дискуссии о пересмотре или даже демонтаже болонских принципов государственной образовательной политики. С другой стороны, у населения устойчиво растёт спрос на получение именно магистерского диплома. В первую очередь это касается более образованных и материально обеспеченных семей, но постепенно магистратура становится все более популярным траекторным выбором и для семей с менее высоким социально-эконо-

² По данным Министерства высшего образования и науки РФ, формы ВПО-1. <<https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/>>.

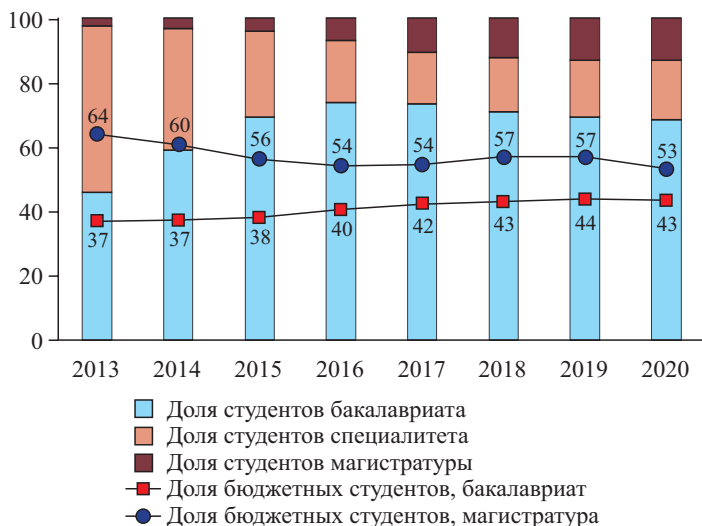

Рис. 4. Структура численности студентов по ступеням высшего образования, 2013—2020 гг., %

Источник: По данным Минобрнауки РФ, формы ВПО-1: <<https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/>>.

мическим статусом. Специалитет является довольно слабым субститутом для удовлетворения данного спроса. Также устойчиво сокращался запрос на второе высшее образование, и сейчас оно является альтернативной магистратуре возможностью наращивания образовательного потенциала для небольшой доли населения.

С советских времен Россия унаследовала сеть вузов, встроенную в территориально-отраслевые комплексы для выполнения задач плановой экономики и кадрового обеспечения индустриализации [Кузьминов, Семенов, Фрумин, 2013]. Для новой экономической ситуации эта сеть стала избыточной. Открытие коммерческого приема и удвоение приема в вузы сформировали повышенную нагрузку на сеть, и при дефиците финансовых ресурсов создали риски девальвации качества образования.

В данном контексте **в образовательной политике была сделана ставка на структурно-функциональную реорганизацию вузовской сети.** Через конкурсные процедуры усиливались отдельные группы университетов, наделенные задачами ускоренного продвижения инновационного разви-

тия страны (национальные исследовательские университеты), глобально-го позиционирования (Проект 5-100), регионального развития (опорные университеты). Во многом подобная логика сохраняется в рамках программы «Приоритет-2030», являющейся сегодня ключевым инструментом государственной политики в области высшего образования. Активная государственная политика последнего десятилетия позволила решить задачу удержания качества образования и формирования функциональных и территориальных точек превосходства.

Побочными эффектами такой политики стали **сокращение числа вузов, институциональная и региональная консолидация предложения высшего образования**. Поддержка модели многопрофильного, «классического» (*comprehensive*) университета приводит к консолидации охвата высшим образованием, в том числе пост-бакалаврского, в крупных государственных вузах [Малиновский, Шибанова, 2022]. Перераспределение государственного финансирования, статусный символический капитал вузов и дифференцированная автономия способствовали вертикальной стратификации вузовского ландшафта, нарастанию разрыва между ведущими университетами и массовым сегментом. По данным на 2021 год, 56 ведущих университетов³ (всего государственных и муниципальных вузов с филиалами почти 900) концентрируют 23,1% всего студенческого контингента государственного сектора, 31,5% всех магистров в стране и 40,2% бюджетного финансирования вузов⁴. Происходит поляризация по селективности и качеству обучения между ведущими университетами и вузами массового спроса.

Изменилась структура образовательных потоков после основной школы. Наблюдается устойчивая переориентация траекторий выпускников основной школы на программы среднего профессионального образования. За последние двадцать лет больше чем на треть выросла доля выпускников основной школы, выбирающих для продолжения образова-

³ Приказ Министерства образования и науки России от 30.10.2015 № 1272 «О Методике определения нормативных затрат на оказание государственных услуг по реализации образовательных программ высшего образования по специальностям (направлениям подготовки) и укрупненным группам специальностей (направлений подготовки)» относит к категории ведущего вуза следующие организации: федеральные, национальные исследовательские университеты, МГУ им. Ломоносова, СПбГУ, а также перечень вузов, самостоятельно разрабатывающих и устанавливающих образовательные стандарты высшего образования, приведенный в Указе Президента от 5 июля 2021 г. № 405. Используются данные об университетах, доступные в Мониторинге эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования 2022 г.

⁴ Расчеты авторов по данным Мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования: <<https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo>>.

тельной траектории профессиональное обучение, а не академический трек старшей школы (рис. А2, Приложение 1). Кроме этого, все меньше выпускников основной школы продолжают образование, выходя на рынок труда или пополняя группы *NEET*.

Принципиально изменилась структура образовательных переходов: от массовой старшей школы и селективного приема в высшее образование в позднесоветские времена — к сокращению приема в старшую школу и сравнительно менее селективному приему в вузы в современной России (рис. А2, Приложение 1). В настоящий момент только половина выпускников основной школы переходят в старшую школу. При этом 70% старшеклассников поступают в вузы сразу после окончания 11-го класса.

Структура третичного образования смещается в сторону СПО. Начиная с 2000-х годов темпы прироста приема на программы профессионального образования стали опережать темпы экспансии высшего образования. Именно данный тренд позволил России выйти в мировые лидеры по охвату третичным образованием. В последнее десятилетие место высшего образования в третичном сегменте ослабевает как в абсолютных, так и в относительных значениях. Продолжается расширение профессионального образования. СПО перестало быть только обходным траекторным маневром и приобрело самостоятельную привлекательность [Мальцева, Шабалин, 2021], тогда как численность студентов вузов снизилась вдвое.

При этом СПО остается образованием второго выбора, обладающим существенно меньшей социальной и экономической отдачей. Зарплатная премия СПО по сравнению с общим образованием уступает высшему, по разным оценкам, в два-пять раз [Капелюшников, 2021; Melianova et al., 2020]. Именно высшее образование является предиктором получения наиболее высокой экономической отдачи и более высокого социального положения.

Институциональная консолидация охвата высшим образованием обуславливает региональную. На фоне снижения относительного охвата населения высшим образованием межрегиональные различия проявляются в сохранении лидирующих позиций ограниченного числа субъектов. Они аккумулируют количество мест в вузах непропорционально релевантной когорте населения в регионе. Чуть больше половины студентов в России обучаются в вузах, расположенных в городах-миллионниках⁵. В крупных университетских центрах образование консолидируется не только в количественном аспекте, но и в качественном, измеряемом уровнем селективности приема в вузы региона [Малиновский, Шибанова, 2020].

⁵ См. сноску 4.

2. Системные вызовы дифференциации образовательных возможностей в высшем образовании

Раздел фокусируется на анализе системных вызовов, связанных с социальной дифференциацией доступности высшего образования и образовательных возможностей, в контексте структурных изменений третичного образования последнего десятилетия в России.

2.1. Социальная стратификация в третичном образовании

2.1.1. Издержки и риски трекинга

В России учащиеся впервые выбирают свою образовательную траекторию после окончания основной школы (9-й класс): продолжение обучения в старшей школе (10–11-й классы) или получение среднего профессионального образования в колледжах, техникумах и училищах. СПО готовит специалистов среднего звена и рабочих специальностей. Далее обе траектории предполагают возможность поступления в вузы. Академический трек, то есть окончание старшей школы и прохождение ЕГЭ, в 70% случаев ведет к поступлению в вуз. Треть выпускников системы СПО (профессиональный трек), как правило, также поступают — минуя процедуру сдачи ЕГЭ — в менее селективные вузы.

Для России характерна довольно высокая степень жесткости трекинга, то есть разделения обучающихся по разным уровням сложности образовательной программы или разным образовательным организациям. Образовательные траектории, распределение по которым начинается сравнительно рано, сильно дифференцированы по социальному и академическому составу обучающихся. Переходы между траекториями редки.

Изменение структуры образовательных потоков усиливает трекинг и делает переход после основной школы определяющим для выбора образовательной траектории и дальнейшей социальной мобильности. В этой точке актуализируются социальные различия образовательных возможностей. Сегодня только половина выпускников основной школы продолжает обучение в старшей школе, и эта доля снижалась на протяжении последнего десятилетия (рис. А2, Приложение 1). Доля же

старшеклассников, поступающих в вузы, остается стабильно высокой. Попадание в старшую школу в большинстве случаев гарантирует получение высшего образования, которое имеет заметно большую отдачу и социальный престиж, чем СПО. Переход в СПО после основной школы в большинстве случаев означает выход на рынок труда с меньшей зарплатной премией.

Выбор СПО сужает возможности для социальной мобильности. Профессиональное образование во многих странах мира рассматривается в качестве образования второго или третьего выбора, имеющего более низкий статус [CEDEFOP, 2018]. Тип занятости, к которой готовят профессиональные программы, теряет свои позиции во всем мире в пользу профессий, где требуются когнитивные и социальные поведенческие навыки [World Bank, 2019]. Государственная образовательная политика в России в последнее десятилетие была направлена на повышение статуса профессионального образования, улучшение его финансирования и соответствия запросам рынка труда. Ситуация постепенно меняется, однако в массовом представлении профессиональное образование остается значительно менее престижным. СПО воспринимается как вынужденный выбор для более слабых студентов [Константиновский, Попова, 2018], здесь концентрируются обучающиеся с меньшим уровнем успеваемости [Kosyakova et al., 2016]. Уровень общеобразовательной подготовки, необходимой для успешного обучения в вузах, в СПО остается низким. Выпускники образовательных учреждений СПО существенно реже получают высшее образование и, как правило, поступают в менее престижные вузы на платные программы.

Распределение по траекториям после основной школы в первую очередь определяется социальным положением. Доход семьи положительно связан с образовательными достижениями. У детей менее обеспеченных родителей меньше возможностей подготовиться к академической траектории старшей школы и дальнейшему обучению в вузе. При переходе в старшую школу в России не предусмотрено формального вступительного экзамена, но подготовленность к продолжению обучения так или иначе учитывается при формировании старших классов. Зачастую менее успевающие дети «выталкиваются» учителями и администрацией школ в профессиональное обучение.

В России культурный капитал родителей существенно и положительно связан с образовательными притязаниями детей [Carnoy et al., 2015]. Даже при одинаковой успеваемости наличие высшего образования родителей определяет стремление ребенка в дальнейшем поступать в вуз, а не продолжать обучение в СПО. Две трети закончивших старшую школу — это

дети из семей, где хотя бы у одного родителя есть высшее образование [Хавенсон, Чиркина, 2018].

Различия в переходах территориально дифференцированы. Семьи с высоким социально-экономическим положением чаще проживают в больших городах, имеют больше образовательных ресурсов и чаще склонны выбирать для своих детей более экономически выгодную академическую траекторию. После 9-го класса в старшие классы в городских школах переходит две трети учащихся, в то время как в сельских — только 56%. Эта ситуация в том числе связана с социально-экономическим контекстом региона: в более урбанизированных и экономически развитых регионах доля выбирающих академический трек после школы сравнительно больше [Захаров, Адамович, 2020].

Дефицит образовательных возможностей — ключевой источник социальной эксклюзии в сельской местности. Молодые люди здесь в два раза чаще, чем в городе, становятся безработными [Блинова, Вяльшина, 2016]. Треть группы *NEET* составляет молодежь сельской местности; более половины этой группы имеют только общее или неоконченное общее образование [Walker, 2018].

Сокращение потока в старшую школу обусловлено социально. Этот эффект не является следствием государственной образовательной политики. Места в старшей школе не дефицитны, переход в старшую школу чаще всего не предполагает формальных вступительных испытаний, государство финансирует существенный объем бюджетных мест в вузах. Однако российские школьники из семей с низким социально-экономическим положением даже при наличии хороших оценок выбирают менее престижные траектории.

При дальнейшем сокращении приема в старшую школу существует риск падения качества приема в вузы. Дети из менее обеспеченных семей либо не подают документы в высшие учебные заведения, либо выбирают обходные стратегии поступления в вузы — как правило, низкоселективные — после СПО. Таким образом, эти молодые люди фактически исключаются из конкуренции за места в вузах с выпускниками старшей школы, то есть с детьми более образованных и обеспеченных родителей. Последние получают доступ к высшему образованию при сниженном уровне конкуренции. Распределение высшего образования все больше будет определяться не конкуренцией на вступительных испытаниях, а разницей в выборе траекторий после основной школы. Подобный трекинг сопряжен с издержками снижения уровня академических достижений при приеме в вуз, и, как следствие, качества обучения.

Складывается ситуация двойного социального штрафа. При сравнительно высоком уровне обеспеченности местами в вузах фактическая доступность для менее образованных и обеспеченных семей ограничена. Получаемое ими высшее образование зачастую платное и невысокого качества. Семьи, которые могли бы платить за высшее образование, напротив, получают доступ к бесплатному высшему образованию при снижающихся барьерах приема.

Трекинг присутствует практически во всех странах мира. В некоторых государствах (например, в Германии или Австрии) он является более жестким: отбор начинается уже в основной школе, смена траекторий либо невозможна, либо редка, попадание на треки обусловлено успеваемостью. В других системах (например, в нордической инклюзивной модели, или едином трекинге, *comprehensive tracking*, в англо-саксонских странах) треки взаимозаменяемы и менее дифференцированы, либо разделения не происходит до конца старшей школы. Международный опыт показывает, что страны со сравнительно более жестким и ранним трекингом имеют больше рисков социального неравенства. Равенство возможностей и эффективность образовательных результатов — зачастую баланс с нулевой суммой, так как взаимно исключают друг друга [Van de Werfhorst, 2019].

Снижение негативных эффектов трекинга является чрезвычайно трудной задачей, поскольку она связана со сложно изменяемым объектом воздействия — свободным выбором семей и их социальным положением (см. Кейс 1). Для России пространство решений лежит в улучшении информированности и навигации выбора, профессиональной ориентации и повышении гибкости траекторий.

2.1.2. Социальная поляризация высшего и среднего профессионального образования

Сокращение предложения, изменение экономической эффективности и финансовые ограничения способствуют изменению образовательных стратегий. СПО становится доминирующей траекторией молодежи из семей со сравнительно невысоким социально-экономическим положением [Малиновский, Шибанова, 2022].

Территориальные и отраслевые диспропорции бюджетного приема в вузы делают СПО более доступной альтернативой. При стабильно высоком спросе на высшее образование предложение бюджетных мест постепенно концентрируется в крупных и ведущих государственных вузах, где выше селективность приема. Консолидация предложения приводит к

усилению конкуренции за бюджетные места и структурным диспропорциям на региональных рынках труда. Поэтому СПО может оттягивать на себя спрос, особенно по ряду наиболее востребованных направлений, например, IT-специальностям [Мальцева, Шабалин, 2020], и на территориях, где сократилась сеть вузов и есть избыточное предложение профессионального обучения.

СПО — альтернатива сократившемуся сегменту недорогого и заочного высшего образования. Сокращение сети вузов затронуло в первую очередь сегмент вузов массового спроса, где в основном обучались студенты из менее обеспеченных и образованных семей. Традиционно важной альтернативой очному обучению в вузе для семей с меньшими экономическими возможностями были заочные программы. На фоне меньшей финансовой доступности и сокращения заочного сегмента нишу последнего постепенно занимает СПО. Как и для заочного обучения, для СПО характерна низкая стоимость обучения, возможность совмещения с трудовой деятельностью и сравнительно меньшая селективность.

Кейс 1. Как бороться с издержками трекинга?

Трекинг может формировать конкуренцию образовательных результатов и меритократичность выбора. Студенты могут выбирать подходящие их интересам и способностям программы. Обучение легче адаптировать для однородных групп студентов. Разделение на разные группы навыков позволяет лучше подстраивать образовательную систему к запросам рынка труда.

С другой стороны, трекинг зачастую приводит к воспроизводству социального неравенства и особенно ухудшает положение наименее успевающих учеников. Чем раньше начинается отбор на разные треки, чем больше треков, чем выше различия в содержании образования, чем строже отбор и чем сложнее менять траектории, тем выше неравенство образовательных возможностей [Hanushek, Wößmann, 2006; Brunello, Checchi, 2007]. Даже при модели единой школы (*comprehensive tracking*) из-за меньшей стандартизации содержания образования и большей свободы в выборе предметов возникает неформальная дифференциация (*course-by-course ability grouping*) [Chmielewski, 2014].

Несколько подходов помогают ответить на риски неравенства, обусловленного трекингом:

- Усиление меритократичности отбора на разные траектории через выстраивание дифференцированных стимулов, стандартизацию экзаменов и их согласованность со школьными учебными программами [Boi et al., 2014].
- Снижение барьеров перехода между различными треками. Предоставление семьям и обучающимся возможностей отложить или пересмотреть сделанный ранее выбор является важным фактором выравнивания возможностей [Holm et al., 2013].
- Повышение информированности выбора, способности планировать карьеру и рационально сравнивать альтернативы. Наиболее эффективным является сочетание информирования и индивидуализированного консультирования о конкретных вузах и возможностях финансирования [Herbaut, Geven, 2019].
- Сокращение пространства выбора и подталкивание неблагополучных студентов к более притязательным траекториям также может снизить социальную дифференциацию образовательных возможностей [Dollman, 2016].
- Снижение дифференциации между университетским образованием и профессиональным обучением — одна из опций выравнивания образовательных возможностей [Baethge, Wolter, 2015].
- Переход к модели единого трекинга (comprehensive tracking). Страны, которые перешли к такой модели, усилили равенство образовательных возможностей [Van de Werfhorst, 2018].

Итак, возможностей получить высшее образование по низкой стоимости становилось все меньше, коммерческое высшее образование дорожало. Одновременно с этим относительная стоимость платных программ СПО в последнее десятилетие росла медленно, бюджетный прием увеличивался (рис. 5).

На фоне экономической турбулентности СПО — быстрый и менее рискованный путь на рынок труда. Для семей с более высоким социально-экономическим положением высшее образование имеет большую относительную ценность. Для них характерны более высокие образовательные ожидания, лучшая информированность о возможностях и ограничениях поступления в вузы, меньшая склонность избегать рисков непо-

Рис. 5. Средняя стоимость (платного) обучения в вузах и учреждениях СПО в абсолютном и относительном выражении (2006—2020 гг.)

Источник: [Малиновский, Шибанова, 2022]. Стоимость среднего профессионального и высшего образования (левая ось) — по данным сборника «Индикаторы образования» ИСИЭЗ НИУ ВШЭ: <<https://www.hse.ru/primarydata/io2021>>; Мониторинга качества приема в вузы НИУ ВШЭ; среднему денежному доходу — по данным Росстата.

ступления. Семьи с низким социальным-экономическим статусом склонны придавать высшему образованию меньшее значение, а также выбирать менее рискованные траектории с большей вероятностью успешно пройти вступительные испытания [Hillmert, Jacob, 2010].

В России студенты из семей с высоким социально-экономическим статусом рассматривают продолжение академической траектории в старшей школе как автоматическое решение. Студенты из менее обеспеченных семей выбирают профессиональное обучение в качестве ускоренного транзита на рынок труда и во взрослую жизнь [Minina et al., 2020]. Возможность получить необходимые для работы профессиональные навыки, а также необходимость «поскорее начать зарабатывать на жизнь» — ключевая мотивация при выборе СПО [Константиновский, 2018].

СПО сохраняет свое значение в качестве транзитной стратегии для попадания в вузы детей из семей с меньшим достатком и культурным ка-

питалом. По сравнению с вузами, в СПО традиционно преобладают представители менее привилегированных семей. СПО позволяет не только не потерять имеющийся социальный статус, но и повысить его в перспективе — через поступление в вуз. Подобная обходная стратегия устойчиво популярна, поскольку позволяет избежать ЕГЭ и отсрочить риски.

Структура государственных расходов на третичное образование смещается в пользу СПО. Государственное финансирование высшего образования снизилось в России с 0,8% ВВП в 2010 г. до 0,6% ВВП к 2020 г.⁶ Снижается удельная доля расходов на высшее образование в совокупных расходах государства на образование: с 20% в 2010 г. до 15% в 2020 г. (рис. 6). При прочих равных условиях, снижение финансирования само по себе может быть фактором снижения охвата населения высшим образованием [Agasisti, 2009]. В России концентрация финансирования в ведущих университетах позволила поднять средний уровень качества обучения. Однако это также связано с риском снижения среднего уровня ресурсной обеспеченности в остальной части системы высшего образования.

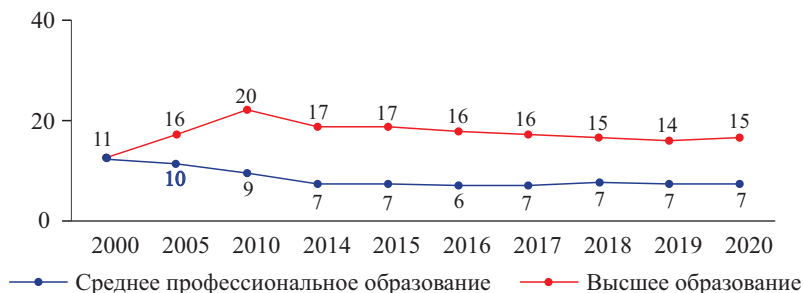

Рис. 6. Доля расходов на высшее образование и СПО в общих расходах консолидированного бюджета РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов (2000—2019 гг.), %

Источник: По данным сборника «Индикаторы образования» ИСИЭЗ НИУ ВШЭ: <<https://www.hse.ru/primarydata/io>>.

При этом финансирование СПО остается сравнительно стабильным. Поддержание ресурсного обеспечения СПО, вместе с государственными мегапроектами (например, участие в движении WorldSkills), постепенно

⁶ По данным сборника «Индикаторы образования» ИСИЭЗ НИУ ВШЭ и Росстата.

укрепляло репутацию профессионального образования. Переориентация потоков на программы СПО связана в том числе с воспринимаемыми барьерами получения высшего образования. Высшее образование стабильно популярно среди всех групп населения, однако возможности его получить социально дифференцированы.

Расширение участия в профессиональном образовании позволяет странам сократить уровень молодежной безработицы, обеспечить социальную интеграцию детей из неблагополучных семей, повысить эффективность транзита на рынок труда [Eichhorst et al., 2015]. В России расширение СПО позволяет приблизить третичное образование к потребностям рынка труда на фоне дефицита рабочих кадров. СПО также может давать возможность для некоторой социальной мобильности, которую раньше обеспечивало заочное обучение. С другой стороны, профессиональное образование зачастую де факто уводит семьи с меньшим социальным статусом в сторону от более выгодных траекторий. Во многих странах профессиональное образование концентрирует в себе менее успевающих учеников, де факто не способно подготовить к поступлению в вузы, занижает карьерные притязания и является тупиком образовательной траектории [Shavit, Müller, 2000]. В России расширение доли обучающихся в СПО означает риски снижения совокупной экономической отдачи от третичного образования. Разделение на треки высшего образования и СПО по социальным признакам несет риски закрепления социальной стратификации в обществе.

2.1.3. Социальные барьеры доступа к третичному образованию

Представители самых низкодоходных групп населения постепенно выталкиваются из системы третичного образования. Как и в большинстве стран мира, в России высшее образование традиционно является привилегией сравнительно более обеспеченных и образованных семей. В последние годы данная тенденция в России усилилась. Формируется условный «доходный ценз» доступа к получению диплома вуза (рис. 7).

Сокращение охвата высшим образованием относительно релевантной когорты не было радикальным в России. Однако оно произошло по большей части за счет снижения представленности наименее обеспеченных групп населения. В 2012—2019 гг. доля студентов вузов, чьи семьи относятся к двум наиболее обеспеченным 20%-м группам населения, увеличилась с 58 до 67% (рис. 7).

Все заметнее становится имущественный барьер для обучения и в системе среднего профессионального образования в целом. Серьезным ри-

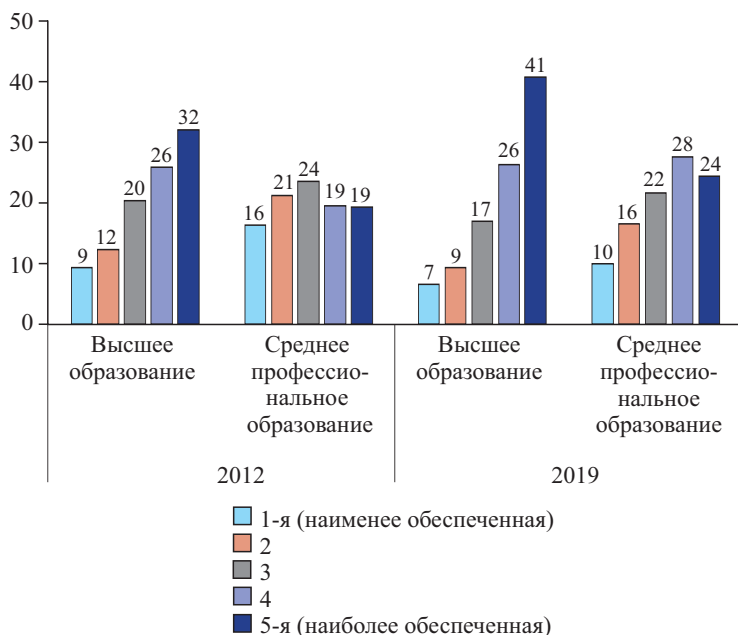

Рис. 7. Распределение студентов высшего и среднего профессионального образования по 20%-м доходным группам населения (2012 и 2019 гг.), %

Источник: [Малиновский, Шибанов, 2022]. Расчеты авторов по данным Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах, Росстат. Доходные группы определены в отношении к национальному распределению доходов домохозяйств в соответствующем году: <https://rosstat.gov.ru/itog_inspect>.

ском является тот факт, что все большее количество выпускников 9-х классов нигде не продолжают свою образовательную траекторию. Это особенно характерно для наименее обеспеченных социальных групп, проживающих в сельской местности, и мигрантов. Например, сельские жители в наибольшей степени подвержены риску оказаться в группе *NEET* [Zudina, 2021].

При условии, что высшее образование постепенно становится доступным в основном для групп населения с высоким социальным статусом, его возможность служить социальным лифтом ограничивается. Дети обеспеченных и образованных родителей скорее закрепляют, чем повышают свой социальный статус через высшее образование. Дети из менее привилеги-

рованных семей редко попадают в вузы, либо поступают в менее селективные университеты и не повышают свой статус значительно.

С аналогичными вызовами сталкиваются многие страны. Подобная образовательная эксклюзия приводит к меньшему социальному участию и более низким доходам индивидов. В результате возникают риски снижения налоговой базы, увеличения социальных расходов, снижения производительности, потери талантов и рисков социальной разобщенности [Arnhold, Bassett, 2021]. Ключевым ответом на них является обеспечение гибкости траекторий и снижение поляризации университетского и профессионального секторов третичного образования. Среди возможных решений: взаимный учет и перевод образовательных кредитов, разработка совместных учебных программ, обязательное признание кредитов от неуниверситетских учебных заведений, перевод отдельных профессиональных образовательных организаций в статус университетов, популяризация ценности неуниверситетских дипломов [Marmolejo, 2016].

Ключевые вызовы

- Сокращение потока в старшую школу повышает жесткость трекинга и риски снижения качества приема в вузы.
- Выбор траекторий и образовательные возможности после основной школы определяются преимущественно социальным положением обучающихся.
- Повышается социальный барьер доступа в вузы. СПО — менее привлекательный, но вынужденный выбор семей с низким социально-экономическим положением и культурным капиталом.
- Семьи с низким уровнем дохода вымываются из третичного образования, формируются риски социальной эксклюзии.
- Разделение на треки высшего образования и СПО закрепляет социальную стратификацию в обществе.

Возможные решения

- Проведение национальных траекторных исследований выпускников (*tracer studies*).
- Развитие ориентационных программ и индивидуализированного консультирования для выпускников основной школы. Цифровые инструменты навигации карьерного выбора.
- Информационно-просветительские проекты, связывающие университеты и школы, направленные на снижение академических, мотивацион-

ных, информационных и личностных барьеров при выборе образовательных траекторий.

- Таргетированные комплексные программы для групп высокого риска образовательной эксклюзии.
- Субсидирование дополнительной подготовки к поступлению в вузы для школьников из семей с низким социально-экономическим статусом.
- Повышение гибкости образовательных траекторий, снижение административных барьеров и транзакционных издержек смены образовательных треков.
- Развитие современных цифровых инструментов оценки и агрегирования образовательных достижений.
- Более тесная интеграция между университетским и неуниверситетским секторами третичного образования. Сближение статуса отдельных профессиональных образовательных организаций или программ со статусом университетских.
- Развитие механизмов аккредитации образовательных достижений неформального сектора.

2.2. Доступность «количества» высшего образования

2.2.1. Дисбаланс образовательных ожиданий и возможностей

Высшее образование остается социальной нормой в России. Согласно опросам, более 80% семей хотят, чтобы их дети и внуки получили высшее образование⁷.

Чем выше уровень достатка семьи, тем выше притязания по поводу образовательного уровня детей. Для семей среднего класса получение детьми высшего образования — базальтернативный запрос. Наиболее обеспеченные домохозяйства предъявляют спрос на более высокий престиж университета, в том числе обучение за рубежом, и постбакалаврские степени (рис. А3, А4, Приложение 1).

Высшее образование имеет высочайшую инструментальную ценность, то есть существенную экономическую отдачу по сравнению с любыми другими уровнями образования. В общественных представлениях диплом вуза является необходимым атрибутом высокого социального статуса и успеш-

⁷ Здесь и далее: Готовность к переменам, 2020: проект НИУ ВШЭ «Анализ рисков социальной напряженности и предложения по мерам политики, направленным на повышение социальной устойчивости» (2020); сентябрь-октябрь 2020 г., № = 6000, россияне в возрасте 15–72 лет. <<https://isp.hse.ru/projects>>.

ности. Две трети населения считают, что высшее образование необходимо для достижения успеха в жизни (рис. 8).

Рис. 8. Отношение к роли высшего образования для успешной жизни (1999—2020 гг.), %⁸

Источник: По данным опросов Фонда общественного мнения: <<https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14436>>.

Масштабный общественный запрос на высшее образование сформировался после распада СССР на фоне массового появления новых профессий сервисной экономики и упадка секторов, предъявляющих спрос на профессиональные навыки. Кроме этого, образование является частью более широкой общественной конвенции о поддержании массовой доступности социального обеспечения для населения [Shibanova, Malinovskiy, 2021]. С советских времен унаследовано представление о необходимости бесплатного доступа к высшему образованию.

По общественным представлениям, государство должно играть ключевую роль в обеспечении массового и доступного высшего образования. Конституционно закрепленное право на бесплатное высшее образование опирается на важный общественный и политический консенсус.

⁸ Представлено распределение ответов на вопрос «С каким мнением вы скорее согласны»: (1) Высшее образование открывает путь к успеху или (2) Для достижения успеха высшее образование не нужно.

Согласно опросам, большинство респондентов предпочитают получить диплом о высшем образовании стандартного качества, обеспеченного государством (см. сноску 9).

В восприятии населения доступность высшего образования ограничена. Согласно данным исследования «Готовность к переменам» (2020), большинство респондентов считает, что доступность высшего образования не увеличилась за последние годы. Примерно 40% опрошенных заявляют, что возможности получить высшее образование уменьшились, а примерно 35% не заметили изменений за последнее время. Сравнительно менее образованные семьи несколько чаще других заявляют, что возможностей получить высшее образование в последнее время стало меньше (рис. А5, Приложение 1).

Формируются разрывы запросов и воспринимаемых возможностей обеспечить образование своим детям. Чем ниже уровень материального положения, тем выше разница между желаемым уровнем образования и оценкой возможностей его получить: 84% семей с низким уровнем материального положения хотели бы, чтобы их дети получили высшее образование, однако только 62% из них ожидают, что их дети в действительности смогут этого добиться. Почти треть из этих семей считает, что максимально можно рассчитывать на получение только среднего профессионального образования (рис. А2, Таблица А2, Приложение 1).

Емкость сегмента высшего образования, обеспеченного государственным финансированием, не соответствует завышенным массовым ожиданиям. И в принципе вряд ли может соответствовать. Россия уже достигла массового охвата высшим образованием. Бюджетное финансирование высшего образования не способно обеспечить практически универсальный запрос на диплом вуза на фоне массовых патерналистских установок. Разрыв между запросом на обеспеченное государством высшее образование и воспринимаемой невозможностью его получить, формирует риски субъективно воспринимаемого неравенства. Последнее может иметь даже большее значение, чем объективные показатели, и формировать риски социальной напряженности.

2.2.2. Доступность коммерческого и бюджетного высшего образования

Государственные программы развития вузов (федеральные университеты, национальные исследовательские университеты, университеты мирового класса, опорные университеты, университеты исследовательского, территориального и отраслевого лидерства) были критически важны для

трансформации системы высшего образования в России. Университеты, на которые государство сделало ставку, задают стандарты качества образования и рассматриваются в качестве драйверов технологического развития. Однако концентрация ресурсов и студенческого контингента в многопрофильных, ведущих, высокоселективных университетах одновременно означает **риски снижения образовательных возможностей для менее обеспеченных слоев населения.**

Бюджетные места концентрируются в ведущих вузах, усиливающих свою селективность⁹. Одновременно с этим на фоне сокращения филиальной сети у менее образованных и обеспеченных семей уменьшились возможности социальной мобильности через высшее образование. Для жителей небольших городов поступление в вуз означает необходимость дополнительных затрат на образовательную миграцию. Высокая селективность бюджетного приема при концентрации мест в крупных вузах завывает субъективные барьеры: 40% домохозяйств называют недостаточное количество бюджетных мест в вузах в качестве причины, которая может помешать их детям получить высшее образование¹⁰.

С 2014 г. снижаются реальные располагаемые доходы россиян при сохранении устойчивой доли людей, живущих за чертой бедности [Кузьминов и др., 2020]. Потребительская инфляция в России вносит значительный вклад в падение объективного уровня жизни, а риски повышения субъективной бедности в основном затронули наименее благополучные слои населения [Овчарова и др., 2017].

Снижение доходов населения может повышать субъективные риски выбора траектории высшего образования для семей с низким уровнем достатка. Эти семьи в меньшей степени готовы доплачивать за высшее образование [см. сноску 9]. Это означает ограниченность возможностей для подстраховки неудачного траекторного выбора. Почти половина выпускников школ из наиболее обеспеченных семей в случае неудачной попытки поступления на бюджетные места рассчитывают подавать документы на коммерческий прием. Абитуриенты из наименее обеспеченных семей готовы на это только в 7% случаев¹¹.

Заочный сегмент высшего образования был важным инструментом образовательной мобильности за счет финансовой доступности, большей

⁹ Мониторинг качества приема в вузы: основные итоги 2020: <https://ege.hse.ru/stata_2020>.

¹⁰ По данным Мониторинга экономики образования, опрос домохозяйств: <<https://memo.hse.ru/>>.

¹¹ По данным опроса выпускников школ 2020 г., НИУ ВШЭ.

представленности в малых городах и возможности удаленного обучения. Заочное обучение пользовалось наибольшим спросом среди семей с меньшими ресурсами для подготовки к поступлению, меньшим культурным капиталом, среди выпускников СПО и тех, кто заинтересован в раннем выходе на рынок труда [Чередниченко, 2020]. При устойчивых представлениях об очень низком качестве заочных программ подобный диплом вуза, тем не менее, имел экономическую отдачу выше, чем СПО. Сокращение предложения заочного обучения соседствовало с территориальной консолидацией сети и возрастанием затрат на образовательную мобильность. Таким образом, доступность высшего образования снизилась для наименее обеспеченных групп населения, для которых заочная форма обучения была зачастую единственной опцией поступления в вузы.

Относительная стоимость платного высшего образования возрастает. Это касается и средней стоимости высшего образования, и сопутствующих расходов на обучение. Стоимость платного высшего образования относительно годового среднедушевого дохода за декаду увеличилась в полтора раза (рис. 5). Так же выросли сопутствующие расходы на высшее образование (учебная литература и принадлежности, компьютерная техника, транспорт), до 6% относительно среднедушевого дохода, по данным на 2017 г.¹². В среднем затраты на год обучения в вузе, вместе с сопутствующими расходами, составляют 45% среднедушевого годового дохода [Малиновский, Шибанова, 2020].

Сравнительно высокая обеспеченность бюджетными местами в вузах соседствует с ограниченными инструментами финансовой поддержки студентов. По данным опросов, высокая плата за обучение и связанные с ним траты являются ключевыми помехами доступности высшего образования для подавляющего большинства респондентов. Финансовые барьеры на пути к получению высшего образования, по мнению родителей, являются более серьезными, чем недостаточная успеваемость детей [Чиркина, Гусейнова, 2021].

В последние годы правительство увеличивало размер стипендий. Однако наиболее распространенные базовые академические и социальные

¹² Расчеты авторов по данным Мониторинга экономики образования: <<https://memo.hse.ru/>>. Отношение годовых средних сопутствующих расходов на учебу в вузе к среднедушевому годовому доходу составили 4% в 2010 г., 7% в 2015-м и 6% в 2017-м; для учебы в заведениях СПО соответствующий показатель составил 4% как в 2010 г., так и в 2015-м. Для оценки сопутствующих расходов использовался вопрос «Вспомните, сколько примерно денег ваша семья потратила в этом учебном году на все статьи расходов, необходимые для учебы?»

стипендии не превышают 7% от среднедушевого дохода в России. Российский рынок образовательного кредитования неразвит. В условиях пандемии правительство расширило возможности для образовательного кредитования, однако информированность о кредитных возможностях остается невысокой: почти половина населения даже не слышала об этом¹³.

Из-за роста относительной стоимости высшее образование на коммерческой основе стало недоступным для большего числа семей. Например, не более трети населения заявляют о возможности инвестировать дополнительно даже 5–15% дохода семьи для получения их детьми более качественного образования (см. сноску 9).

Развитие дифференцированных финансовых инструментов поддержки — ключевая возможность для выравнивания образовательных возможностей. Наиболее успевающие студенты и семьи с низким социальным статусом являются основными целевыми группами для финансовых интервенций. Прогресс в данном отношении может быть достигнут через монетарное стимулирование политики расширения доступности на уровне вузов (см. Кейс 2).

Кейс 2. Финансирование равенства образовательных возможностей

Ряд стран успешно применяет механизмы финансирования университетов, учитывающие их усилия по обеспечению равенства образовательных возможностей.

Например, в ЮАР формула государственного финансирования учитывает долю темнокожих студентов, обучающихся в университетах. В Ирландии размер субсидии на высшее образование предусматривает 30%-ю надбавку за каждого зачисленного студента из любой из приоритетных целевых групп: малообеспеченные студенты, учащиеся с инвалидностью и др. [Salmi, 2018]. В Румынии университеты могут получать дополнительное финансирование (до 20% от общего) при условии ориентации на прием абитуриентов из сельских территорий.

В Чили государство выделяет вузам финансирование для обучения детей из семей, представляющих 60% наименее доходных групп населения.

¹³ По данным Мониторинга экономики образования, опрос домохозяйств. <<https://memo.hse.ru/>>.

Чтобы получить соответствующее государственное финансирование, университет должен быть аккредитованным, иметь программы профилактики отсева, иметь контингент студентов, состоящий не менее чем на 20% из представителей малоимущих семей. В результате данной политики доля 20% самых бедных семей в Чили в контингенте студентов третичного образования увеличилась за десять лет с 16 до 36%.

Усилия университетов по обеспечению равенства доступа к высшему образованию учитываются и в формуле финансирования в ряде штатов США. Во Флориде, Массачусетсе, Мичигане, Нью-Джерси и Висконсине в формуле учитывается доля малообеспеченных студентов. Своевременное окончание обучения учитывается в штатах Гавайи, Индиана, Кентукки, Монтана, Нью-Мексико, Оклахома, Юта, Висконсин. Еще в семи штатах в формулу финансирования заложены аналогичные показатели для расовых меньшинств [Elliott et al., 2021].

2.2.3. Адаптация к росту демографической нагрузки

Выход России из демографической ямы будет увеличивать демографическую нагрузку на третичное образование [Gabdrakhmanov, Leshukov, 2020]. По среднему варианту демографического прогноза, релевантная когорта 17–25 лет вырастет на 34% к 2034 году¹⁴. Еще более интенсивно будет расти нагрузка возрастной когорты, релевантной для СПО (15–17 лет). Однако рост по этой группе закончится раньше (рис. 9).

В рамках среднего варианта демографического прогноза, при сохранении нормы федерального закона, бюджетный прием в вузы до 2036 г. будет в среднем увеличиваться на 1,5% ежегодно (рис. А6, Приложение 1). А для сохранения относительного охвата высшим образованием на текущем уровне необходим ежегодный прирост мест в вузах в 2,5%. Таким образом, при сохранении текущих трендов обеспеченности бюджетными местами и нерастущего коммерческого приема прирост количества мест в вузах не будет успевать за скоростью роста населения в релевантной когорте. В таком случае, с учетом среднего демографического прогноза, к 2036 году относительный охват высшим образованием сократится почти на 13%.

¹⁴ Ростстат. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года. <<https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285>>.

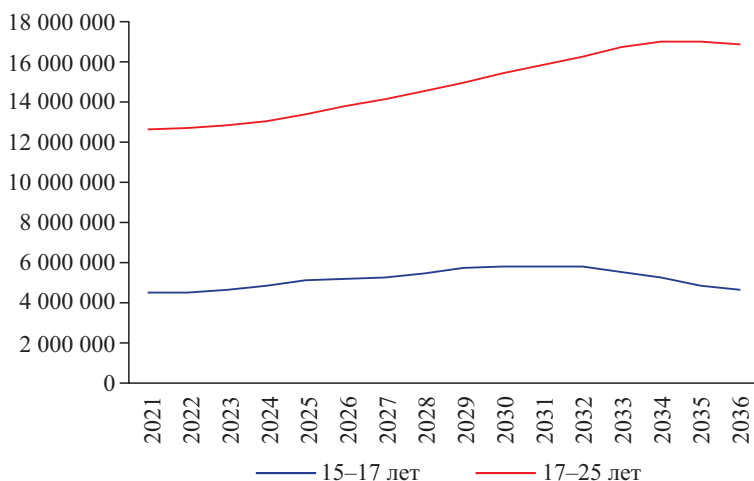

Рис. 9. Прогноз численности населения России по возрастным когортам 15–17 и 17–25 лет, средний прогноз, чел.

Источник: Росстат. Предположительная численность населения РФ до 2035 года: <<https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285>>.

Для снижения демографической нагрузки на систему и поддержания охвата высшим образованием необходимо расширение возможностей для коммерческого приема в вузы. Ответом на вызов может служить дифференциация форматов высшего образования, в том числе позволяющих совмещать работу и обучение, поиск новых инструментов финансирования, расширение сегмента частных вузов и коммерческого приема.

Ключевые вызовы

- Универсальный запрос на бесплатное высшее образование не соответствует емкости образовательной системы.
- Социально обусловленный дисбаланс образовательных притязаний и возможностей формирует субъективно воспринимаемое неравенство.
- Концентрация бюджетных мест в больших государственных вузах снижает доступность высшего образования для жителей небольших городов, молодежи из менее образованных и обеспеченных семей.

- Снижается финансовая доступность высшего образования.
- Сокращение сегмента недорогого и заочного образования сократило возможности для социальной мобильности семей с низким уровнем дохода и культурного капитала.
- Демографическая нагрузка растет. При сохранении текущей динамики коммерческого и бюджетного приема число мест в вузах будет отставать от темпов прироста релевантной когорты, что приведет к сокращению относительного охвата.

Возможные решения

- Диверсификация третичного образования, стимулирование функциональной специализации образовательных организаций и улучшение информированности населения про отдачу от разных типов программ.
- Дифференциация бюджетного финансирования обучения в вузах и финансовой поддержки студентов с учетом социальных характеристик их семей.
- Расширение возможностей для целевого набора с учетом социального положения студентов.
- Учет социального состава студенческого контингента в формулах государственного финансирования вузов.
- Государственное субсидирование образовательного кредитования, учитывающее социальное положение студентов.
- Развитие новых инструментов финансирования высшего образования, в том числе *income-share agreement (соглашение о долевом разделении доходов)*, *social impact bonds (социальные облигации)*.
- Расширение возможностей заочного образования. Модернизация заочного обучения за счет распространения дистанционных технологий и улучшения контроля качества подготовки.
- Расширение коммерческого приема в вузах, в том числе за счет расширения сегмента частных вузов.
- Долгосрочное стратегическое планирование охвата третичным образованием с учетом прогнозов демографических трендов и перспективной структуры навыков на рынках труда.

2.3. Доступность качества высшего образования

2.3.1. Социальная дифференциация качества высшего образования

Следствием массовизации высшего образования является вертикальная стратификация вузовского ландшафта. Во многих странах это означает

усиление разрыва между ведущими университетами и массовым сегментом высшего образования. По мере увеличения числа мест в вузах семьи с более высоким социально-экономическим положением закрепляют свой статус через доступ к более высокому качеству обучения. Подобный феномен, получивший название *эффективно поддерживаемого неравенства* [Lucas, 2001], широко распространен в разных национальных системах высшего образования. Общим местом становится разница возможностей поступления в селективные университеты и вузы массового сегмента [Teichler, 2008]: повсеместно доход семьи положительно связан с вероятностью поступления в первые. Выходцы из семей «белых воротничков» поступают в элитные университеты, в то время как дети из семей «синих воротничков» — в вузы прикладных квалификаций или профессиональные колледжи [Duru-Bellat et al., 2008].

В России дифференциация качества обучения формируется уже на этапе планирования образовательных траекторий. По данным Мониторинга экономики образования (2020), планы относительно будущего образования детей сильно разнятся в зависимости от благосостояния семьи и места проживания. Российские семьи с высоким социально-экономическим статусом готовы выбрать для своих детей престижный вуз и востребованную специальность за большие деньги в 41,9% случаев, а семьи с низким статусом — почти в два раза реже (22,8%). Жители городов-миллионников чаще готовы платить за востребованное образование в хорошем университете (рис. А4, Приложение 1).

Получение высшего образования в ведущих университетах обусловлено семейным капиталом студента. На фоне экспансии высшего образования неравенство начало проявляться в разных возможностях получить более престижный диплом или постбакалаврское образование [Konstantinovskiy, 2016]. Введение ЕГЭ не ликвидировало ситуацию, при которой обеспеченные семьи получают доступ к лучшему качеству обучения за счет репетиторов и дополнительных образовательных ресурсов [Косарецкий, Пинская, Груничева, 2014].

Со временем усиливаются социальные факторы доступности разного качества высшего образования. Поступление в высокоселективный университет — прерогатива, обусловленная как доходом, так и образовательным уровнем родителей. В университетах со средним баллом приема ЕГЭ больше 80 (из 100), к которым относится большинство ведущих университетов, учащиеся из семей самой высокой доходной группы составляют более 60%, а студенты из двух наименее обеспеченных групп — всего по 5%, при том что их доля в вузах массового спроса в два раза больше (рис. А7, Приложение 1). В высокоселективных университетах концентри-

руются студенты из семей с высоким образовательным уровнем. В вузах массового спроса студенческий контингент почти на 40% состоит из детей родителей, не имеющих высшего образования; для сравнения, в ведущих университетах — 21% (рис. 10).

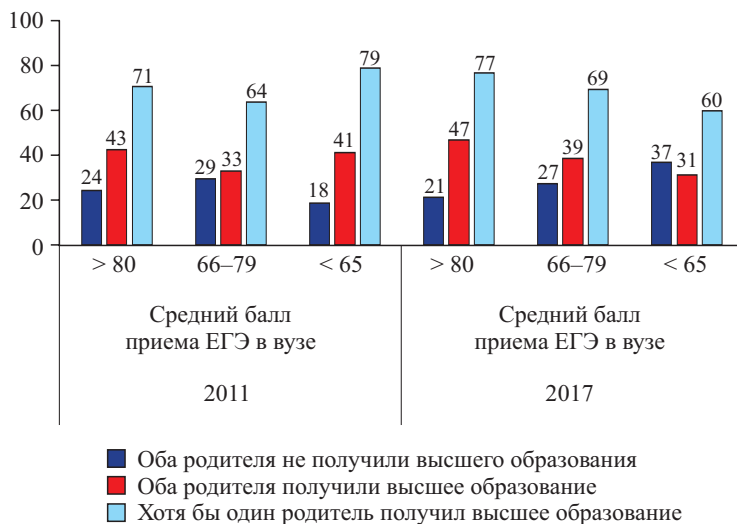

Рис. 10. Распределение студентов вузов разного уровня селективности (средний балл ЕГЭ) в разрезе уровня образования родителей (2011 и 2017 гг.), %

Источник: [Малиновский, Шибанова (2022)]. Мониторинг экономики образования, опрос студентов очных отделений вузов: <<https://memo.hse.ru/>>.

Направления подготовки с высокой отдачей на рынке труда в меньшей степени доступны студентам из малообеспеченных семей. Учащиеся из обеспеченных российских семей в первую очередь обращают внимание на дальнейшие перспективы карьеры и чаще выбирают более востребованные специальности по экономике и управлению. Студенты из менее образованных и состоятельных семей свой выбор связывают с менее рискованной возможностью получить диплом вуза [Кузьмина, 2013]. Например, на направлениях «сервис» или «агрономия» примерно по 16% студентов можно отнести к наименее обеспеченным группам населения. На направлениях общественных наук и управления таких студентов в полтора раза меньше (рис. 11). При выходе на рынок труда более высокая зар-

платная премия за образование в сфере социальных наук (экономика, менеджмент) или IT способствует закреплению социальной стратификации. Кроме этого, присутствует значительный дисбаланс в представленности женщин на естественнонаучных, инженерных и математических направлениях [Малошонок, Щеглова, 2020].

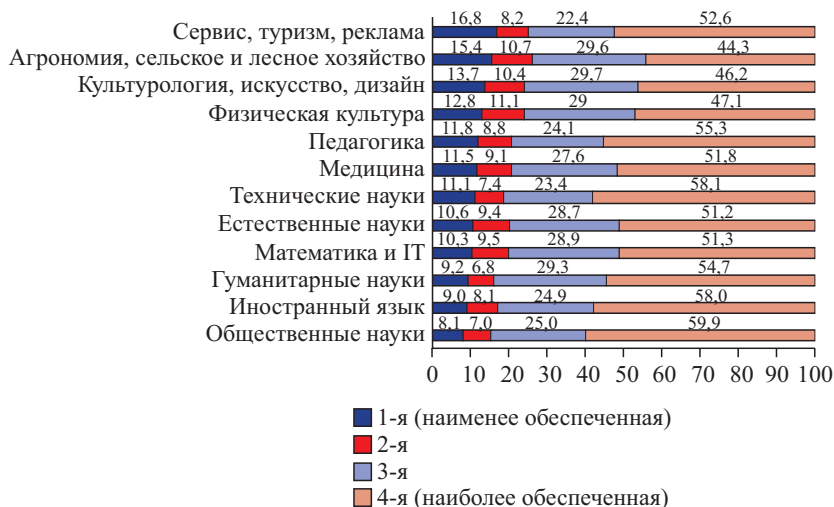

Рис. 11. Распределение студентов очной формы обучения (бакалавров, специалистов, магистров) российских вузов по направлениям подготовки в разрезе материального положения семей (доходных групп) (2020 г.), %

Источник: Мониторинг экономики образования, опрос студентов: <<https://memo.hse.ru/>>.

Экстренный переход практически всей системы высшего образования на дистанционное обучение выявил новые риски образовательного неравенства, связанные с качеством высшего образования. В России вертикальная стратификация вузов проявилась в уровне ресурсного и технологического оснащения и готовности к поддержанию качества обучения в дистанционном формате. Сформировались риски неравенства образовательных результатов, связанные с цифровым неравенством. Университеты вступили в пандемию с разным уровнем готовности технологической инфраструктуры к дистанционному обучению [Клягин и др., 2020].

Примерно в 15% вузов в середине марта 2020 года отсутствовали системы для организации синхронного онлайн-обучения. Не было ни собственного программного обеспечения, ни подписок на внешние ресурсы и программы. Ведущие и опорные университеты значительно чаще обладали различными программными и технологическими решениями для работы в цифровой среде: системами облачного хранения данных, едиными системами авторизации пользователей, едиными личными кабинетами сотрудников и студентов, системами планирования занятий.

В этом контексте дифференциация качества обучения была связана не только с возможностями университетов, но и с технической оснащенностью студентов, дифференцированной по социально-экономическому положению их семей. Чем лучше материальное положение семьи студента, тем меньше трудностей он испытывает в организации комфортного пространства для обучения и технических возможностях (компьютерная техника и качество интернет-связи). Каждый пятый студент (20%) из наименее обеспеченных семей отметил, что у него нет подходящих устройств, которые можно было бы использовать для обучения в дистанционном формате [Всероссийский опрос студентов, 2020]. Студентам из менее обеспеченных семей не хватает навыков для обучения в цифровой среде. Им сложнее самостоятельно изучать учебный материал и работать с интерфейсами онлайн-курсов [Всероссийский опрос студентов, 2020].

Проявления цифрового неравенства создают риски снижения общего качества образования. Укрепляются социально обусловленные различия в образовательных результатах. Менее обеспеченные студенты могут хуже освоить образовательную программу в дистанционном формате и нести соответствующие риски при сдаче экзаменов, устройстве на работу в будущем. Проблемы цифрового неравенства характерны для многих стран, и их решение требует партнерства и кооперации разных стейкхолдеров (см. Кейс 3).

Кейс 3. Как бизнес помогает бороться с цифровым неравенством?

В 2020 г. Vodafone Foundation анонсировала комплексную пятилетнюю программу Skills Upload Europe, направленную на решение проблем цифрового неравенства. Программа реализуется в партнерстве с органами государственной власти, НКО и образовательным сообществом в 11 европейских странах. Инициатива подразумевает три блока, ориентированных на четыре группы населения: дети младшего школьного возраста; учащиеся средней школы; взрослые и NEET; пожилые люди:

1. Skills Upload Jr (Германия, Греция, Венгрия, Нидерланды, Португалия, Испания, Румыния, Турция): программы по повышению уровня владения цифровыми навыками среди школьников, учителей и их родителей. Курсы по обучению учителей цифровой грамотности, методические материалы для школ и домашние игровые занятия, интерактивные образовательные платформы; курсы для родителей по безопасности детей в Интернете; предоставление техники и Интернета для малообеспеченных школьников.

- **Digital School** (Венгрия): программа повышения уровня цифровых знаний и компетенций детей из малообеспеченных семей. Программа предлагает платформу для обмена знаниями и библиотеку приложений, содержащую более 200 бесплатных образовательных приложений для смартфонов и планшетов.

- **School in a Box** (Румыния): ученикам и учителям предоставляется «Школа в коробке» (планшеты, ноутбуки и подключение к Интернету) и доступ к интегрированной платформе электронного обучения. Реализуется в 50 сельских школах страны.

- **Online Masters** (Нидерланды): бесплатная интерактивная программа для детей в возрасте 10–14 лет, позволяющая осваивать навыки работы с информацией в цифровом мире, навыки безопасного использования Интернета и социальных сетей, робототехнике, программированию и работе с технологиями виртуальной реальности.

2. LV8 (Италия): игровое приложение, позволяющее молодежи осваивать цифровые навыки и получать сертификаты, которые можно включить в свое резюме для поиска работы. После прохождения игры участникам предлагаются различные опции повышения квалификации или стажировок в компаниях — партнерах инициативы.

3. Hi digital (Чехия, Ирландия, Нидерланды): бесплатные игровые курсы, направленные на ликвидацию межпоколенческого разрыва в цифровых навыках.

Источник: Vodafone Foundation. <<https://www.vodafone.com/vodafone-foundation/focus-areas/skills-upload-europe>>.

2.3.2. Повышение доступности постбакалаврского образования

Переход на Болонскую систему сформировал в России устойчивый спрос на магистерские программы. В последнее десятилетие государственная политика в России была последовательно направлена на расширение

бюджетного финансирования магистратуры. Более половины магистров в России обучаются за счет бюджетных средств. Развитие постбалавского образования было одной из задач практически всех ключевых программ государственной поддержки вузов. В среднем каждый третий студент в России планирует продолжать обучение после окончания бакалавриата или специалитета (рис. А8, Приложение 1).

Образовательные планы относительно магистратуры дифференцированы в зависимости от социально-экономического статуса семей. Чем выше потребительский стандарт семьи и образование родителей и чем крупнее город проживания, тем чаще планируется окончание магистратуры или аспирантуры для детей (рис. А3, Приложение 1). Студенты старших курсов, относящиеся к наиболее обеспеченным слоям населения, чаще планируют продолжить обучение в магистратуре по сравнению с наименее обеспеченными группами (рис. А9, Приложение 1).

Выбор магистратуры для выходцев из менее обеспеченных семей и жителей малых городов чаще всего означает образовательную миграцию. Консолидация предложения магистерских программ в крупных и ведущих университетах в больших городах затрудняет доступность наиболее высоких уровней образования. Кроме этого, студенты из менее обеспеченных семей склонны к более раннему выходу на рынок труда. Магистратура является выгодной инвестицией в долгосрочной перспективе, а отложенный старт карьеры требует дополнительных затрат со стороны семей. Студенты из семей с низким достатком стремятся как можно быстрее выйти на рынок труда и начать зарабатывать. Только материально обеспеченные семьи могут позволить финансовую помощь для образования своих детей вплоть до уровня магистратуры [Чиркина, Гусейнова, 2021]. Для выпускников вузов, не относящихся к ведущим, поступление в магистратуру связано со сравнительно большими материальными издержками, рисками не найти работу или подработку на новом месте.

Постбалакавское образование — социально детерминированная возможность. Более половины студентов магистратуры в России относятся к семьям с высоким социально-экономическим положением (рис. А10, Приложение 1). Зарплата премия за наличие степени магистра по сравнению с бакалаврами составляет в стране 5–21% среди женщин и 2–11% среди мужчин [Рожкова и др., 2021]. Как и в случае с более качественным высшим образованием, на фоне увеличения числа обладателей диплома бакалавриата магистратура будет выступать в качестве инструмента поддержания более высокого социального статуса. Можно ожидать постепенного формирования спроса на магистерские степени в качестве социальной нормы для семей с наиболее высоким социальным статусом.

Таким образом, социальная дифференциация доступности качества образования имеет потенциал для воспроизводства в каждой точке образовательного выбора. Более образованные и обеспеченные семьи после основной школы выбирают для своих детей академический трек старшей школы, после окончания старшей школы — более престижные университеты, обучение за рубежом и/или более выгодные направления подготовки, после окончания бакалавриата — магистратуру.

Ключевые вызовы

- Высокое качество образования малодоступно для семей с низким культурным капиталом.
- Со временем социальные факторы доступности разного качества высшего образования усиливаются.
- Направления подготовки с наибольшей отдачей — прерогатива семей высокого социально-экономического положения.
- Консолидация предложения магистерских программ в крупных и ведущих университетах в больших городах ограничивает доступность наиболее высоких уровней образования.

Возможные решения

- Гранты на обучение в ведущих университетах для талантливых студентов с неблагополучным социально-экономическим бэкграундом.
- Инструменты финансовой поддержки для студентов из менее обеспеченных семей в случае незначительного недобора пороговых баллов на вступительных испытаниях.
- Увязка субсидирования, грантовой поддержки и образовательного кредитования с социальными характеристиками и с результатами обучения студентов.
- Возможность учета стандартизированной оценки образовательных результатов при приеме в магистратуру.
- Развитие сетевых образовательных программ магистратуры.
- Расширение целевого приема и бюджетного финансирования магистерских программ в региональных университетах.

2.4. Межрегиональные различия

2.4.1. Образовательная миграция и территориальные диспропорции

Географическая близость учебного заведения — значимый фактор решения о поступлении в вуз, особенно в больших по территории странах.

В большинстве стран межрегиональная образовательная мобильность учащихся из более обеспеченных семей выше. Они имеют больше возможностей выбора вузов, отвечающих их интересам. Студенты, выросшие в городе, рядом с которым или в котором есть университет, имеют очевидное преимущество сокращения издержек на проживание, логистику, адаптацию к новым условиям. Возможность учиться рядом с домом особенно важна для семей с ограниченными финансовыми возможностями [Turley, 2009]. Многие европейские страны при формировании пакета финансовой поддержки студентов учитывают, является ли студент иногородним, проживает ли с родителями или отдельно [EACEA, 2020].

Внедрение ЕГЭ усилило межрегиональную образовательную мобильность в России [Francesconi et al., 2019]. При этом уровень образовательной миграции в России стабилизировался. Сейчас в среднем 70% поступивших в вузы учатся в регионе, в котором они окончили школу¹⁵. Для сравнения, это заметно меньше, чем, например, в США или Великобритании.

Считается, что образовательная миграция усиливает конкуренцию и способствует повышению качества приема в вузах. Каждый студент может найти место обучения, соответствующее его уровню подготовки. Ведущие университеты могут привлекать сильнейших абитуриентов и формировать высокие стандарты качества обучения. Однако общим местом является также концентрация положительных эффектов межрегиональной мобильности в одних регионах в ущерб другим.

В России сформировалась группа «регионов-магнитов», аккумулирующих таланты со всей страны. И появилась группа «регионов-экспортеров», из которых уезжает существенная доля выпускников школ. Устойчивым остается «западный дрейф». Образовательные и трудовые потоки движутся в западном направлении страны, а основными «магнитами» для выпускников школ и университетов остаются крупные города: Москва, Санкт-Петербург, Томск, Новосибирск [Габдрахманов и др., 2019].

Межрегиональные диспропорции могут привести к неэффективному распределению человеческого капитала и рискам формирования депрессивных территорий. Образовательная мобильность в большинстве случаев означает трудовую миграцию. Неравномерное распределение талантов в дальнейшем конвертируется в диспропорции на рынках труда и в ограничения для развития региональных экономик. Последнее, в свою очередь, снижает возможность привлекать или сохранять в регионе силь-

¹⁵ Расчеты авторов по данным исследования «Траектории в образовании и профессии», 2017 г.: <<https://trec.hse.ru/>>.

ных абитуриентов. «Регионы-магниты» будут становиться все более сильными, а «регионы-доноры» — все более ограниченными в возможностях [Малиновский, Шибанова, 2020]. Ключевой вызов для образовательной политики — нахождение баланса между сохранением и укреплением человеческого капитала в регионах и повышением качества приема в вузы посредством образовательной миграции.

Вклад в региональное развитие — один из ключевых элементов общественной отдачи от высшего образования [Arnhold, Bassett, 2021]. В России совокупная отдача только от зарплатной премии к высшему образованию и налоговых начислений составляет 1,5–2% валового регионального продукта [Клячко, Семионова, 2018]. Важной задачей образовательной политики последних лет было создание условий для закрепления выпускников школ в родных регионах. Была сформирована сеть региональных опорных университетов, усилена вовлеченность регионального бизнеса, расширено число бюджетных мест в региональных вузах. Это позволило смягчить различия между столицами и регионами, но межрегиональные диспропорции остаются существенными.

Сохраняется значительный разрыв между регионами с точки зрения охвата высшим образованием (рис. 12). В 2021 г. обеспеченность местами в вузах релевантной когорты (17–25 лет) в среднем по регионам составила 27%. Традиционными лидерами по охвату являются регионы центральной части России и университетские центры: Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, Томская область и др. В группе риска по этому показателю находятся малонаселенные регионы, ряд национальных республик и отдаленные от центра территории.

За последнее десятилетие в наименее экономически развитых регионах и национальных республиках обеспеченность местами в вузах сократилась сильнее, чем в среднем по стране, в первую очередь за счет сокращения заочного сегмента. При этом традиционные университетские центры сохранили или даже нарастили эти показатели [Малиновский, Шибанова, 2020]. Высока неравномерность региональной обеспеченности бюджетными местами в вузах [Габдрахманов и др., 2019].

Регионы очень сильно различаются по финансовой доступности высшего образования, то есть стоимости обучения, наличию бюджетных мест в вузах, затратам на проживание, обеспеченности местами в общежитиях, сопутствующим затратам. Средневзвешенные вероятностные затраты по этим статьям расходов на год обучения в вузе составляют для разных регионов от 20 до 70% среднедушевых доходов населения [Малиновский, Шибанова, 2020].

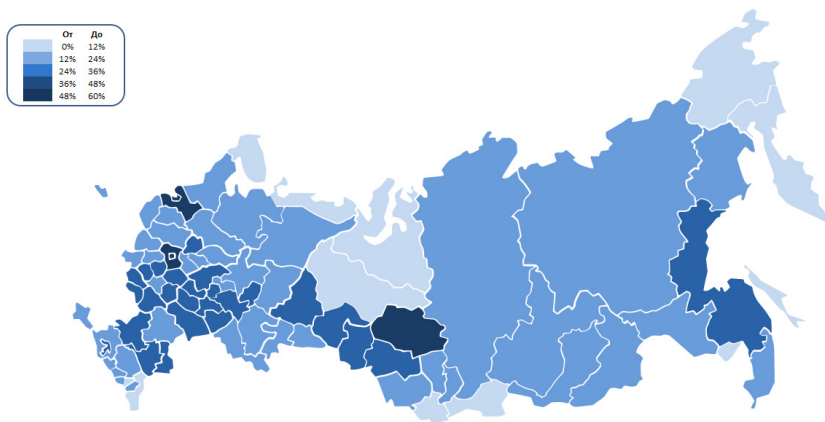

Рис. 12. Отношение численности студентов вузов к численности когорты населения 17–25 лет (2021 г.), %

Источник: Расчеты авторов по данным: Единой межведомственной информационно-статистической системы, <<https://www.fedstat.ru/>> ; Министерства высшего образования и науки РФ, Формы N ВПО-1, <<https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/>>.

Предложение постбакалаврского образования также неоднородно распределено в региональном разрезе. Места в магистратуре концентрируются в регионах, в которых расположены ведущие университеты, а также в Центральном федеральном округе и в ряде регионов Сибири (рис. А11, Приложение 1).

С 2020 года правительство делает шаги в сторону перераспределения контрольных цифр приема (КЦП) в пользу региональных вузов. В 2021 году бюджетный прием в региональные вузы по сравнению с 2019 г. увеличился на 11%, что является существенным подспорьем для расширения доступности высшего образования. При этом общий показатель численности принятых в региональных университетах все равно немного сократился из-за снижения количества коммерческих мест (табл. А3, Приложение 1). И наоборот, в Московском регионе произошел рост общего приема за счет платных мест в вузах. Эта ситуация говорит о наличии платежеспособного спроса на высшее образование в столицах, где коммерческий сегмент может поддерживать показатели охвата высшим образованием на высоком уровне. С другой стороны, целесообразно дальнейшее расширение бюджетного финансирования региональных вузов, где без дополнительных бюджетных мест доступность высшего образования будет сокращаться.

2.4.2. Региональная дифференциация доступности качественного высшего образования

Качество высшего образования концентрируется в ограниченном числе регионов. В более чем трети субъектов РФ нет вузов со средним баллом приема выше 70 баллов¹⁶. Еще в трети регионов доля студентов, обучающихся в высокоселективных вузах, не превышает 20% (рис. А12, Приложение 1).

Обучение в территориально близких университетах позволяет выпускникам реализовать человеческий потенциал для развития региональной экономики. Невысокая доступность качественного высшего образования снижает привлекательность территорий для входящей образовательной мобильности и для учебы талантливых студентов в родном регионе. Более половины семей, планирующих образовательную миграцию, в качестве основного мотива переезда называют дефицит образовательных организаций в родном регионе и желание получить образование более высокого качества [Клячко, Семионова, 2021].

Получение образования соответствующего качества для наиболее подготовленных студентов связано с необходимостью переезда в другой регион. Талантливые, но ограниченные в средствах студенты, находясь в зоне риска недостаточной самореализации. С учетом невысокой образовательной миграции многие хорошо подготовленные выпускники школ вынуждены обучаться в вузах родного региона, которые не соответствуют их академическому уровню. Территориальные диспропорции в доступности качества высшего образования могут приводить к потере человеческого капитала. Грубую оценку границ подобных потерь можно получить через отношение числа абитуриентов с высокой успеваемостью (сдавших ЕГЭ на средний балл > 80), обучающихся в вузах меньшей селективности (средний балл приема < 70), к общему числу поступивших в вузы региона. Данный показатель условно показывает, какая доля студентов в регионе могла бы в случае переезда претендовать на обучение в ведущих вузах. В среднем по регионам этот показатель составляет 8%, но в некоторых регионах к данной группе можно отнести практически каждого пятого студента (рис. А13, Приложение 1).

Основными целевыми группами в контексте снижения территориальных барьеров являются «хвосты» распределения: таланты и наименее успевающие школьники. Возможности поступления в вузы для детей из наименее обеспеченных и образованных семей сократились. Наиболее

¹⁶ Данное значение принято условно принимать за пороговый индикатор качества обучения.

подготовленные и талантливые дети в некоторых регионах не имеют доступа к университетам своего уровня. Недавно запущенный федеральный проект «Успех каждого ребенка» нацелен, в том числе, на решение этих проблем — через развитие дополнительного образования детей, региональные центры развития талантов и профессиональные ориентационные мероприятия. Практика других стран показывает, что ключевой фактор успеха в решении подобных проблем — сочетание монетарных и немонетарных инструментов поддержки и поступательное развитие региональных образовательных экосистем (см. кейс Австралии, кейс 4).

Кейс 4. Снижение территориального неравенства доступности высшего образования: кейс Австралии

В 2018 г. Правительство Австралии начало реализацию стратегии развития регионального, сельского и заочного третичного образования (National Regional, Rural and Remote Tertiary Education Strategy). Стратегия нацелена на двукратное снижение разрыва в охвате столичной и региональной/сельской молодежи и населения трудоспособного возраста высшим образованием и профессиональной сертификацией. Достижение этой цели включает:

- **Расширение образовательных возможностей:** выделение дополнительного финансирования для предоставления образования в регионах; расширение грантов на развитие региональных кампусов и представительств (Regional University Centres), развитие инфраструктуры (аудитории, компьютеры, Интернет) и сервисов (центры развития навыков письма, консультирование по проблемам в обучении) для получения заочного образования, квотирование мест для обучения коренного населения в университетах Австралии.
- **Меры финансовой поддержки:** единовременные выплаты для выпускников школ, обучающихся вне места проживания (Tertiary Access Payment); пособия для молодежи во время поиска работы (Youth Allowance); финансовая помощь представителям коренного населения (Away from Base assistance); гранты вузам на повышение доступности высшего образования среди региональной, малообеспеченной молодежи и представителей коренного населения (Higher Education Participation and Partnerships Program).
- **Программы по карьерному консультированию молодежи** в регионах, в том числе программы по повышению карьерных и образовательных ожиданий; расширение исследований, направленных на изучение

лучших практик повышения мотивации, вовлеченности и удержания региональной молодежи в образовании.

- **Меры по поддержке исследовательского потенциала в регионах** через развитие партнерства между региональными организациями третичного сектора и индустрией. Ориентация прорывных исследований в региональных университетах на экономическую специализацию региона.

Источник: Australian Government. Department of Education, Skills and Employment.

Ключевые вызовы

- Межрегиональный дисбаланс миграционных потоков и накопления человеческого капитала.
- Регионы сильно различаются по финансовой доступности высшего образования. Бюджетное высшее образование концентрируется в регионах с платежеспособным спросом. В менее богатых регионах — дефицит бюджетных мест в вузах.
- Сохраняется значительный разрыв между регионами с точки зрения охвата бакалаврским и постбакалаврским высшим образованием.
- Риски потери человеческого капитала из-за территориальных диспропорций охвата и низкой доступности качества высшего образования в регионах.

Возможные решения

- Перераспределение бюджетного финансирования в пользу региональных университетов.
- Развитие дистанционного обучения и качественных заочных образовательных программ.
- Развитие кампусов региональных университетов.
- Расширение форматов территориальной представленности вузов.
- Грантовая поддержка и субсидирование расходов на проживание для иногородних студентов.
- Грантовая поддержка университетов, реализующих программы расширения доступности высшего образования для жителей сельских и удаленных территорий.
- Формирование точек превосходства (*honor programs*) в региональных вузах.

Заключение и рекомендации

Высокий общий уровень образования населения воспринимается как самоценное благо. Считается, что чем больше высшего образования в стране, тем лучше. При прочих равных условиях это действительно так, однако зачастую основными выгодополучателями резкого расширения емкости образовательной системы являются привилегированные группы населения. Высшее образование может создавать возможности социального лифта для студентов в первом поколении. Но также может служить инструментом, с помощью которого более образованные и обеспеченные семьи эффективно поддерживают свои социальные преимущества.

Россия достигла массового охвата третичным образованием и является одной из самых образованных стран в мире. Однако, как и во многих других странах мира, количественный рост мест в вузах и численности студентов не привел автоматически к большему равенству образовательных возможностей. В представленном материале была предпринята попытка анализа диспропорций, которые повлекла за собой экспансия высшего образования в части территориальных различий, дифференциации доступности количества и качества высшего образования.

Среди ключевых структурных изменений в высшем образовании в России, формирующих контекст дифференциации образовательных возможностей, можно выделить следующие:

- Экспансия третичного образования в России была обусловлена в первую очередь расширением приема на программы СПО. По показателям охвата высшим образованием Россия находится на среднем для стран ОЭСР уровне.
- Массовый охват третичным образованием был достигнут во многом благодаря приему на платные программы высшего образования и сравнительно менее престижные профессиональные программы.
- На фоне сокращения коммерческого приема и заочных программ экспансия высшего образования завершилась.
- Охват высшим образованием переориентировался на магистратуру и бюджетный прием на очные программы в крупных и ведущих государственных вузах.
- Усиливается институциональная и региональная консолидация системы высшего образования.
- Доля школьников, переходящих в старшую школу, сокращается; доля старшеклассников, поступающих в вузы, стабильно высокая.
- В третичном образовании СПО вытесняет высшее образование.

Суммируем основные проблемные точки, касающиеся доступности высшего образования в России в контексте произошедших структурных трансформаций.

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что существует тенденция усиления *социальной стратификации в третичном образовании*.

Критически важный для социальной мобильности выбор образовательной траектории после 9-го класса в большей степени определяется социальным происхождением, а не академическими достижениями. Сравнительно жесткий трекинг способствует социальному и территориальному неравенству в доступности высшего образования, а также несет в долгосрочной перспективе риски снижения качества приема в вузы. Рост относительной стоимости обучения, сокращение сегмента недорогого высшего образования, возможность быстрого выхода на рынок труда и стратегия обходного маневра попадания в вузы — все это переориентирует семьи на СПО. Профессиональный трек — существенно менее экономически выгодный и социально приемлемый. Однако он является во многом вынужденным выбором, фактически доступной возможностью ограниченной социальной мобильности для менее образованных и обеспеченных семей. Экспансия высшего образования соседствовала с закреплением социальной стратификации в обществе через разделение профессионального и академического треков. При этом представители наименее обеспеченных групп населения постепенно выталкиваются как из высшего, так и из среднего профессионального образования.

При массовом охвате высшим образованием количество мест в вузах относительно релевантной когорты отстает от запросов населения и демографических трендов. Доступность мест в вузах социально дифференцирована. Спрос населения на бесплатное высшее образование универсален, но не соответствует емкости системы. Социальный разрыв в образовательных притязаниях и возможностях формирует риски субъективно воспринимаемого неравенства. Концентрация бюджетных мест в крупных университетах, сокращение заочного сегмента, повышение стоимости высшего образования и дефицит финансовой помощи сокращают доступность вузов для малообеспеченных групп населения. На фоне роста демографической нагрузки без расширения коммерческого приема относительный охват высшим образованием в России будет сокращаться.

Увеличение количества мест в вузах не привело к уравниванию возможностей получить качественное высшее образование. Обучение в ведущих вузах и получение престижных профессий малодоступно для менее обеспеченных и образованных семей, жителей сельской местности и малых

городов. Социальная дифференциация доступности высшего образования разного качества со временем усиливается и подкрепляется вертикальной стратификацией вузовского ландшафта. Постбакалаврские притязания и поступление в магистратуру становятся социальной привилегией.

Межрегиональные различия в охвате высшим образованием сохраняются. Регионы различаются по обеспеченности бюджетными местами, финансовой доступности платного образования и предложению постбакалаврских программ. Образование в селективных вузах доступно в ограниченном количестве регионов. Получение высокого качества обучения, как правило, сопряжено с переездом в другой город, что в меньшей степени доступно малообеспеченным абитуриентам. Межрегиональный дисбаланс миграционных потоков и охвата высшим образованием формируют риски потери человеческого капитала для большинства регионов.

Как же возможно конвертировать образовательную экспансию в равенство образовательных возможностей? В настоящем материале представлены возможные решения в ответ на системные вызовы дифференциации образовательных возможностей в высшем образовании, которые характерны для многих систем с экспансивным ростом охвата высшим образованием. С учетом национального контекста рекомендации для России могут быть специфицированы и суммированы в следующих направлениях изменений.

Во-первых, **обеспечение информированного выбора и гибкости образовательных траекторий в третичном образовании, в том числе:**

- Диверсификация третичного образования, стимулирование функциональной специализации образовательных организаций и улучшение информированности населения о разных видах отдачи от разных типов программ.
- Развитие ориентационных программ и индивидуализированного карьерного консультирования для выпускников основной школы.
- Внедрение цифровых инструментов навигации карьерного выбора.
- Субсидирование дополнительной подготовки к поступлению в вузы для семей низкого социально-экономического положения и студентов в первом поколении.
- Повышение качества общеобразовательной подготовки в учреждениях СПО.
- Повышение гибкости образовательных траекторий, снижение административных барьеров и транзакционных издержек смены образовательных треков.
- Развитие современных цифровых инструментов оценки и агрегирования образовательных достижений. Расширение возможностей учета

стандартизированной оценки образовательных результатов при приеме в магистратуру.

- Более тесная интеграция между университетским и неуниверситетским секторами третичного образования за счет взаимного учета образовательных кредитов.

- Приближение статуса отдельных организаций профессионального образования или программ к статусу вузовских программ. Развитие программ прикладного бакалавриата.

Данное направление нацелено на снижение негативных эффектов трекинга, разрыва ожиданий и возможностей, социальных барьеров доступа третичного образования и социальной поляризации высшего образования и СПО.

Во-вторых, **поддержание сбалансированного охвата третичным образованием и расширение возможностей для участия в высшем образовании, в том числе:**

- Реализация национальных траекторных исследований выпускников, в том числе с фокусом на малообеспеченные семьи и группы повышенного риска.

- Долгосрочное стратегическое планирование охвата третичным образованием с учетом прогнозов демографических трендов и перспективной структуры навыков на рынке труда.

- Развитие новых инструментов финансирования высшего образования, в том числе *income-share agreements* (соглашение о долевым разделении доходов) и *social impact bonds* (социальные облигации).

- Постепенное изменение модели двойного трека (*dual-track*) в сторону дифференцированного финансирования бюджетного приема, увязанного с возможностями семьи платить за обучение.

- Государственная поддержка расширения коммерческого приема и частных инвестиций в высшее образование через гарантии, субсидии и льготное кредитование.

- Модернизация заочного сегмента системы высшего образования: распространение дистанционных технологий, расширение очного контакта и общественно-профессиональные механизмы контроля качества образования. Расширение возможностей для бюджетного и недорогого коммерческого приема на программы дистанционного (заочного) обучения.

- Государственное субсидирование образовательного кредитования, учитывающее социальное положение студента. Расширение программ кредитования с созданием стимулов для вовлечения в систему высшего образования малообеспеченных групп населения, в том числе через диффе-

ренициацию процентной ставки, расширенный период возврата, снижение ставки при успешном завершении обучения, автоматический/упрощенный налоговый вычет.

- Развитие механизмов аккредитации образовательных достижений, полученных в неформальном секторе образования, и их учета в третичном образовании.

Данное направление нацелено на снижение рисков падения охвата высшим образованием с учетом демографических тенденций и поиск финансовых ресурсов для удовлетворения массового спроса на высшее образование.

В-третьих, **преодоление образовательной эксклюзии, поддержка талантов и групп риска, в том числе:**

- Информационно-просветительские проекты, связывающие университеты и школы, направленные на снижение академических, мотивационных, информационных и личностных барьеров при выборе образовательных траекторий.

- Перераспределение стипендиальных фондов и фондов материальной помощи на поддержку целевых групп риска и групп, обладающих преференциями в соответствии с федеральным законом «Об образовании».

- Расширение возможностей для целевого набора с учетом социального положения студентов.

- Включение показателей социальной инклюзии (в том числе доля студентов из сельских территорий, студентов в первом поколении, малоимущих) в национальный мониторинг эффективности вузов.

- Учет социального состава студенческого контингента в формулах государственного финансирования вузов.

- Выделение отдельных квот/контрольных цифр приема для студентов из менее обеспеченных семей в случае незначительного недобора пороговых баллов на вступительных испытаниях.

- Гранты на обучение в ведущих университетах для талантливых студентов с неблагополучным социально-экономическим бэкграундом. Единовременные подъемные выплаты при образовательной миграции для учеников с высокой успеваемостью из малоимущих семей.

- Таргетированные комплексные программы для групп высокого риска образовательной эксклюзии: школьников сельских и удаленных территорий, мигрантов, выпускников школ, находящихся в сложных социально-экономических условиях, *NEET*.

Данное направление нацелено на снижение образовательной эксклюзии, поддержку групп наибольшего уровня риска и талантливых детей из менее обеспеченных семей.

В-четвертых, **выравнивание межрегиональных различий в распределении «количества» и качества высшего образования, в том числе:**

- Перераспределение финансируемых из бюджета мест в пользу региональных университетов.
- Развитие кампусов региональных университетов, расширение форматов территориальных представительств вузов, в том числе внутрирегиональных.
- Грантовая поддержка университетов, реализующих программы расширения доступности высшего образования для жителей сельских и удаленных территорий.
 - Формирование точек превосходства в региональных вузах.
 - Развитие сетевых программ магистратуры с региональными университетами.
 - Расширение целевого приема и бюджетного финансирования магистерских программ в региональных университетах.

Данное направление нацелено на снижение межрегиональных различий в аккумулировании образовательной миграции, предложения высшего образования и человеческого капитала.

Литература

- Бессуднов А.Р., Куракин Д.Ю.* Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании // Вопросы образования. 2017. № 3. С. 83–109.
- Блинова Т.В., Вьяльшина А.А.* Молодежь вне сферы образования и занятости: оценка сельско-городских различий // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 40–49.
- Габдрахманов Н.К., Лешуков О.В., Платонова Д.П.* Обеспеченность бюджетными местами региональных систем высшего образования с учетом демографических трендов // Университетское управление: практика и анализ. 2019. № 23 (4). С. 32–45.
- Габдрахманов Н.К., Никифорова Н.Ю., Лешуков О.В.* «От волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России // Современная аналитика образования. № 5(26). С. 4–42. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2019.
- Захаров А.Б., Адамович К.А.* Региональные различия в доступе к образовательным ресурсам, в академических результатах и в траекториях российских учащихся // Экономическая социология. 2020. № 20(1). С. 60–80.
- Капелюшников Р.И.* Отдача от образования в России: ниже некуда? // Вопросы экономики. 2021. № 8. С. 37–68. <<https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-8-37-68>>.
- Кирюшина М.А., Рудаков В.Н.* Гендерные различия в заработной плате выпускников вузов и учреждений СПО на начальном этапе карьеры // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 172–198.
- Клягин А.В. и др.* Шторм первых недель: как высшее образование шагнуло в реальность пандемии // Современная аналитика образования. № 6(36). М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2020.
- Клячко Т.Л., Семионова Е.А.* Вклад образования в социально-экономическое развитие регионов России // Экономика региона. 2018. № 14(3). С. 791–805.

- Клячко Т.Л., Семионова Е.А. Миграционная мобильность российской молодежи обусловлена образовательными приоритетами // Экономическое развитие России. 2021. № 28(10). С. 61–63.
- Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Российское среднее профессиональное образование: востребованность и специфика выбор // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 34–44. DOI: 10.7868/S0132162518030030
- Константиновский Д.Л. Измерение неравенства в образовании // Россия реформирующаяся. 2018. № 16. С. 171–191.
- Косарецкий С.Г., Пинская М.А., Груничева И.Г. Проблемы бедности и доступа к образованию. Оценка ситуации в России и международный опыт // Мир России. Социология. Этнология. 2014. № 23(2). С. 133–153.
- Кузьмина Ю.В. Выбор специальности обучения: прямой и непрямой эффект семейных факторов // Высшее образование в России. 2013. № 10. С. 133–140.
- Кузьминов Я.И., Орехин П.В., Нетреба П.Н. Россия в новую эпоху: выбор приоритетов и цели национального развития. Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. <<https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/401421877.pdf>>.
- Кузьминов Я.И., Семенов Д.С., Фруммин И.Д. Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану» // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 8–63.
- Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю. Региональная дифференциация доступности высшего образования в России // Современная аналитика образования. № 13(43). М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2020.
- Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю. Причины и факторы завершения экспансии высшего образования в России // Социологический журнал. 2022. № 28(3). С. 8–37.
- Малошонок Н.Г., Щеглова И.А. Роль гендерных стереотипов в отсеке студентов инженерно-технического профиля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2 (156). С. 273–292.
- Мальцева В.А., Шабалин А.И. Не-обходной маневр, или Бум спроса на среднее профессиональное образование в России // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 10–42.

- Овчарова Л.Н., Бирюкова С.С., Селезнева Е.В., Абаноква К.Р.* Доходы, расходы и социальное самочувствие населения России в 2012-2016 годах [Текст]: аналит. докл. к XVIII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 11-14 апр. 2017 г. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017.
- Рожкова К.В., Роцин С.Ю., Солнцев С.А., Травкин П.В.* Отдача на магистерскую степень на российском рынке труда // Вопросы экономики. 2021. № 8, С. 69–92. <<https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-8-69-92>>.
- Хавенсон Т.Е., Чиркина Т.А.* Образовательные переходы в России: социально-экономическое положение семьи и успеваемость // Факты образования. № 5(20). М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2017.
- Чередниченко Г.А.* Траектории заочников высшей школы в сфере образования и труда // Вопросы образования. 2020. № 3. С. 165–187.
- Чиркина Т.А., Гусейнова А.Г.* Социальная дифференциация образовательных планов при поступлении в вузы // Мониторинг экономики образования. 2021. № 12. М.: НИУ ВШЭ, 2021.
- Шибанова Е.Ю., Малиновский С.С., Тойлуз-оол М.М., Дудина А.И.* Карьерные ожидания студентов российских вузов // Факты образования. № 2 (36). М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2021.
- Agasisti T.* Towards 'lisbon objectives': Economic determinants of participation rates in university education: An empirical analysis in 14 European countries // Higher Education Quarterly. 2009. № 63 (3). P. 287–307.
- Arnhold N., Bassett R.M.* Steering Tertiary Education: Toward Resilient Systems that Deliver for All. World Bank, Washington, DC. 2021. © World Bank. <<https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/36328>>.
- Baethge M. & Wolter A.* The German skill formation model in transition: from dual system of VET to higher education? // Journal for labour market research. 2015. № 48(2). P. 97–112.
- Borisov G.V. & Pissarides C.A.* Intergenerational Earnings Mobility in Post-Soviet Russia // *Economica*. 2020. № 87(345). P. 1–27.
- Brunello G. & Checchi D.* Does school tracking affect equality of opportunity? New international evidence // *Economic policy*. 2007. № 2 (52). P. 782–861.

- Carnoy M., Khavenson T. & Ivanova A.* Using TIMSS and PISA results to inform educational policy: a study of Russia and its neighbours // *Compare: A Journal of Comparative and International Education*. 2015. № 45 (2). P. 248–271.
- CEDEFOP (2018) *The changing nature and role of vocational education and training in Europe, Vol. 3: The responsiveness of European VET systems to external change (1995–2015)*. Cedefop Research Paper 67. Author, Luxembourg.
- Dendle C., Baulch J., Pellicano R., Hay M., Lichtwark I., Ayoub S., Clarke D. M., Morand E. F., Kumar A., Leech, M. & Horne K.* Medical student psychological distress and academic performance // *Medical Teacher*. 2018. № 40(12). P. 1257–1263. <<https://doi.org/10.1080/0142159X.2018.1427222>>.
- Dollmann J.* Less choice, less inequality? A natural experiment on social and ethnic differences in educational decision-making // *European Sociological Review*/ 2016. № 32(2). P. 203–215.
- Duru-Bellat M., Kieffer A. & Reimer D.* Patterns of social inequalities in access to higher education in France and Germany // *International journal of comparative sociology*. 2008. № 49 (4-5). P. 347–368.
- EACEA (2020) *National Student Fee and Support Systems in European Higher Education — 2020/21*. Eurydice — Facts and Figures. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Eichhorst W., Rodríguez-Planas N., Schmidl R. & Zimmermann K.F.* A road map to vocational education and training in industrialized countries // *Ilr Review*. 2015. № 68 (2). P. 314–337.
- Elliott K.C., Haynes L. & Jones T.* (2021). *Re-Imagining Outcomes-Based Funding: Using Metrics to Foster Higher Education Equity*. Education Trust. <https://sheeo.org/wp-content/uploads/2021/05/OBF_Report_FINAL_6.pdf>.
- Francesconi M., Slonimczyk F. & Yurko A.* Democratizing access to higher education in Russia: The consequences of the unified state exam reform // *European Economic Review*. 2019. № 117. P. 56–82.
- Gabdrakhmanov N., Leshukov O.* Demographic Trends and the Accessibility of Higher Education in Russia // *Higher Education in Russia and Beyond*. 2020. № 1(22). P. 10–12.

- Hanushek E.A., & Wößmann L.* Does educational tracking affect performance and inequality? Differences-in-differences evidence across countries // *The Economic Journal*. 2006. № 116 (510). P. 63–76.
- Herbaut, Estelle; Geven, Koen.* What Works to Reduce Inequalities in Higher Education? // *A Systematic Review of the (Quasi-) Experimental Literature on Outreach and Financial Aid*. Policy Research Working Paper; 2019. No. 8802. World Bank, Washington, DC. © World Bank. <<https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/31497> License: CC BY 3.0 IGO>.
- Hillmert S. & Jacob M.* Selections and social selectivity on the academic track: A life-course analysis of educational attainment in Germany // *Research in social stratification and mobility*. 2010. № 28 (1). P. 59–76.
- Holm A., Jæger M.M., Karlson K.B. & Reimer D.* Incomplete equalization: The effect of tracking in secondary education on educational inequality // *Social science research*. 2013. № 42(6). P. 1431–1442.
- Konstantinovskiy D.L.* Expansion of higher education and consequences for social inequality (the case of Russia) // *Higher Education*. 2016. № 74(2). P. 201–220.
- Kosyakova Y., Yastrebov G., Yanbarisova D. & Kurakin D.* The reproduction of social inequality within the Russian educational system. In: *Models of Secondary Education and Social Inequality*. Edward Elgar Publishing, 2016. P. 323–342.
- Lucas S.R.* Effectively maintained inequality: Education transitions, track mobility, and social background effects // *American journal of sociology*. 2001. № 106(6). P. 1642–1690.
- Marmolejo F.* What Matters Most for Tertiary Education Systems: A Framework paper. World Bank Group. 2016.
- Melianova E., Parandekar S., Patrinos H.A., Volgin A.* Returns to education in the Russian Federation: Some new estimates // *World Bank Policy Research Working Paper*. 2020. No. 9387. <<https://doi.org/10.1596/1813-9450-9387>>.
- Minina E., Yanbarisova D. & Pavlenko E.* Educational choice of Russian high school students in grade nine // *International Studies in Sociology of Education*. 2020. № 29 (4). P. 326–343.
- Salmi J.* All around the world—Higher education equity policies across the globe. Lumina Foundation, 2018. <<https://worldaccesshe.com/wp-content/>

uploads/2018/11/All-around-the-world-Higher-education-equity-policies-across-the-globe-.pdf>.

Salmi J. Measuring the impact of equity promotion policies: Lessons from national and institutional case studies. Lumina Foundation. November 2019. <<https://worldaccesshe.com/wp-content/uploads/2019/11/What-Works-November-18-Final-Jamil-Salmi.pdf>>.

Shavit Y. & Müller W. Vocational secondary education, tracking, and social stratification. In: *Handbook of the Sociology of Education* Springer. Boston, MA, 2000. P. 437–452.

Shibanova E., Malinovskiy S. Higher education in Soviet and Russian welfare states: hybridization, continuity and change // *European Journal of Higher Education*. 2021. № 11(3). P. 273–291.

Teichler U. Diversification? Trends and explanations of the shape and size of higher education // *Higher education*. 2008. № 56 (3). P. 349 –379.

Turley R.N.L. College proximity: Mapping access to opportunity // *Sociology of Education*. 2009. № 82 (2). P. 126 –146.

Van de Werfhorst H.G. Early tracking and social inequality in educational attainment: Educational reforms in 21 European countries // *American Journal of Education*. 2019. № 126 (1). P. 65–99.

Walker C. Youth and social exclusion in Russia: A scoping study for the World Bank // ResearchGate. January 2018.

Word Bank. 2020. Human Capital Project. <<https://www.worldbank.org/en/publication/human-capital#Viz>>.

World Bank (2019) *World Development Report 2019: The Changing Nature of Work*. Washington, DC: World Bank.

Yasterbov G. Intergenerational Social Mobility in Soviet and Post-Soviet Russia // *Higher School of Economics Research*. 2016. No. WP BRP, 69. <<https://wp.hse.ru/data/2016/02/03/1137686380/69SOC2016.pdf>>.

Zudina A. What makes youth become NEET? Evidence from Russia // *Journal of Youth Studies*. 2021. P. 1–14.

Приложение

Таблица А1. Охват высшим образованием когорты 17–25 лет в РСФСР (1989 г.) и РФ (2020 г.), %

	1989	2020
Специалитет для РСФСР Бакалавриат, специалитет для РФ, всего	15,9	28,1
В том числе места, финансируемые из бюджетов всех уровней	15,9	12,9
Специалитет для РСФСР Бакалавриат, специалитет, магистратура для РФ, всего	15,9	32,1
В том числе места, финансируемые из бюджетов всех уровней	15,9	15,1

Источник: Расчеты авторов по данным а) Единой межведомственной информационно-статистической системы: <<https://www.fedstat.ru/>>; б) Министерства высшего образования и науки РФ, Формы № ВПО-1: <<https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/>>.

Таблица А2. Желаемый и возможный уровень образования для детей в разрезе материального положения семей (2020 г.), %

Уровень образования для детей		Уровень материального положения домохозяйства		
		Низкий	Средний	Высокий
Желаемый*	Общее среднее (11 классов)	1,4	0,6	0,7
Возможный**		2,2	1,4	1,5
Желаемый	Среднее профессиональное (колледж, училище, техникум)	8,7	5	2,3
Возможный		29,4	14,2	4,9
Желаемый	Высшее (в любом вузе / в одном из лучших вузов страны (национальном исследовательском или федеральном университете) / в зарубежном вузе)	84 (55 / 22,5 / 6,5)	89 (56,3 / 26,9 / 5,8)	87,7 (40,3/36,2/11,2)
Возможный	Высшее (бакалавриат, специалитет, магистратура)	61,7	68,3	75,1

* Представлено распределение ответов респондентов на вопрос «Какого максимального уровня образования для детей своей семьи вы бы хотели?», % от ответивших.

** Представлено распределение ответов респондентов на вопрос «Как вы считаете, какого максимального уровня образования смогут достичь ваши дети?», % от ответивших.

Источник: Мониторинг экономики образования, опрос домохозяйств: <<https://memo.hse.ru/>>.

Таблица А3. Динамика приема в вузы по регионам (2021 г. к 2019-му), %

	Весь прием в вузы	Бюджетный прием в вузы
Российская Федерация	100,0	109,0
Москва и Московская область	107	103
СПб и Ленинградская область	103	105
Регионы без Москвы, СПб, Московской и Ленинградской областей	98	111

Источник: Расчеты авторов по данным а) Единой межведомственной информационно-статистической системы: <<https://www.fedstat.ru/>>; б) Министерства высшего образования и науки РФ, Формы № ВПО-1: <<https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/>>.

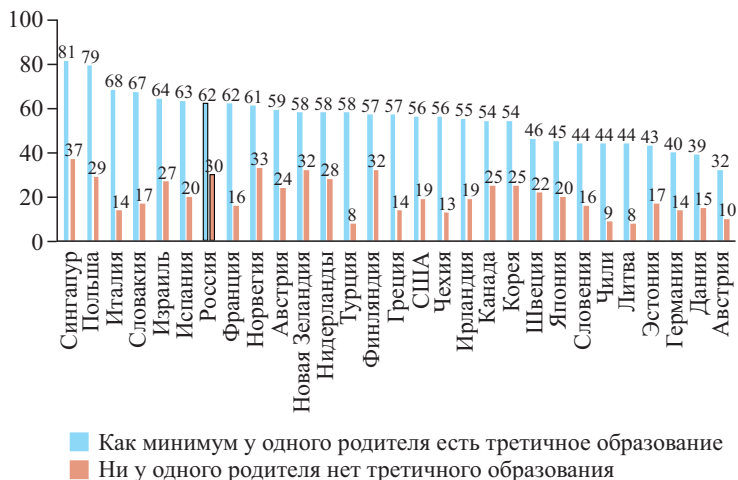
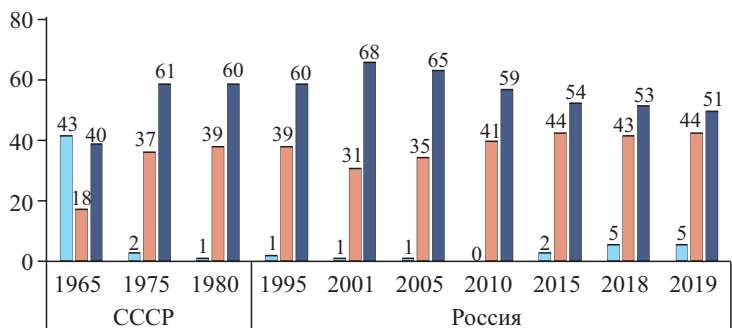

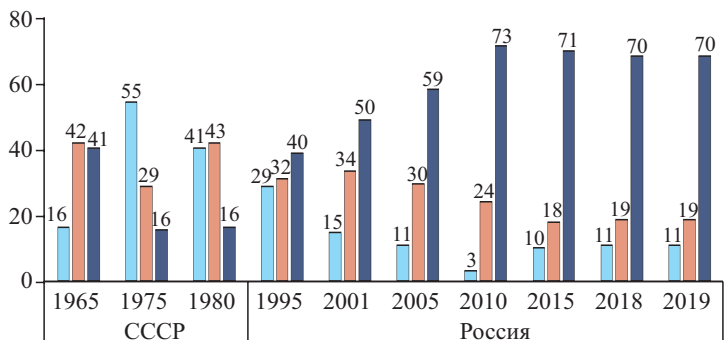
Рис. А1. Доля населения в возрасте 30–44 лет, получившего третичное образование, в странах мира, в разрезе уровней образования родителей (2012—2015 гг.), %¹⁷

Источник: OECD.Stat. Intergenerational mobility in education : Tertiary attainment of adults, by age group and parents' educational attainment: <<https://stats.oecd.org/#>>.

¹⁷ Данные для Чили, Греции, Израиля, Новой Зеландии, Словении, Турции, Сингапура представлены для 2015 г., для остальных стран — для 2012 г. Пояснение: например, показатели для Сингапура следует интерпретировать следующим образом: третичное образование получили 81% жителей страны в возрасте 30–44 лет, у которых как минимум один родитель имел третичное образование; третичное образование получили только 37% жителей страны в возрасте 30–44 лет, у которых ни один из родителей не имел третичного образования.

Выпускники основной школы (8 класс в СССР и 9 класс в России)

Выпускники старшей школы (10 класс в СССР и 11 класс в России)

- Рынок труда
- Профессиональный трек (СПО)
- Академический трек (11 класс или ВО)

Рис. А2. Траектории выпускников основной и старшей школы в СССР и России (1965—2019 гг.), %

Источник: [Малиновский, Шибанова, 2022; Чередниченко, 2020], а также статистические сборники «Движение населения в СССР. 1960—1980 гг.», «Индикаторы образования» ИСИЭЗ НИУ ВШЭ.

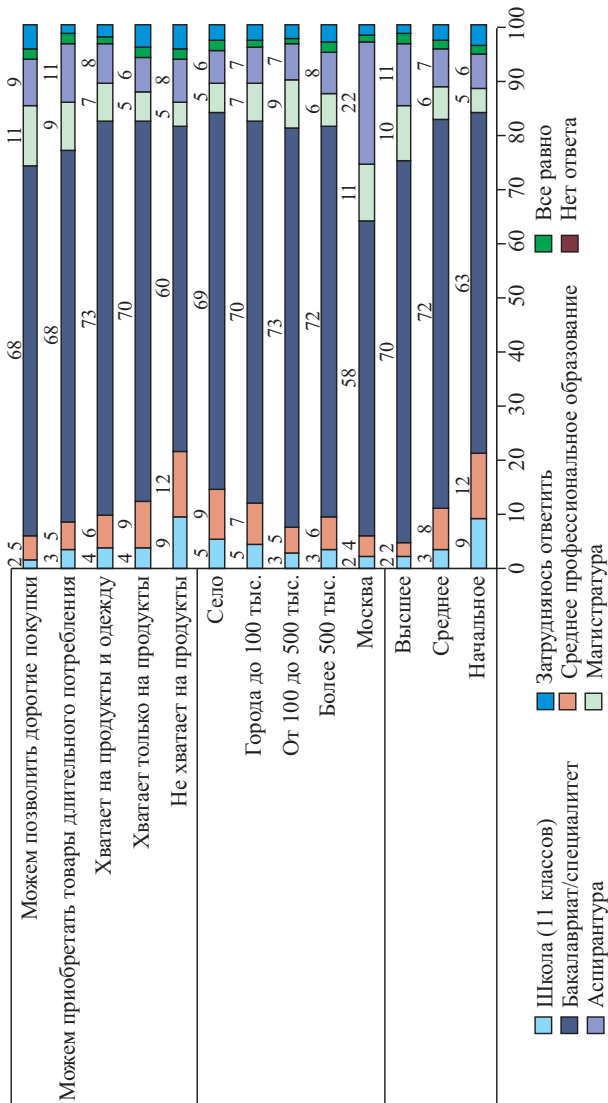

Рис. А3. Максимальный желаемый уровень образования для детей и внуков в разрезе места проживания, материального положения и образования семей (2020 г.), %¹⁸

Источник: Проект НИУ ВШЭ «Анализ рисков социальной напряженности и предложения по мерам политики, направленным на повышение социальной устойчивости» (2020); Сентябрь — октябрь 2020 г., N = 6000, россияне в возрасте 15–72 лет: <<https://ispr.hse.ru/>>.

¹⁸ Распределение ответов на вопрос «Какого максимального уровня образования вы бы хотели, чтобы достигли ваши дети, внуки?», % от ответивших.

ДОСТУПНОСТЬ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ:
КАК ПРЕВРАТИТЬ ЭКСПАНСИЮ В РАВЕНСТВО

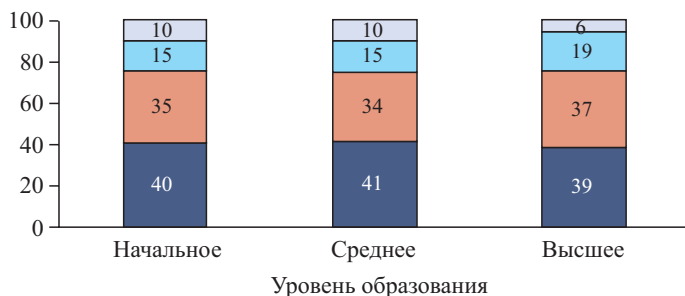

Рис. А4. Желаемое высшее образование для детей в разрезе места проживания и материального положения семей (2020 г.), %¹⁹

Источник: Мониторинг экономики образования, опрос домохозяйств: <<https://memo.hse.ru/>>.

¹⁹ Представлено распределение ответов на вопрос «Представьте себе, что возможны только перечисленные варианты обучения ваших детей. Какой из этих вариантов вы бы выбрали?», % от ответивших.

ДОСТУПНОСТЬ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ:
КАК ПРЕВРАТИТЬ ЭКСПАНСИЮ В РАВЕНСТВО

- Затрудняюсь ответить
- В последние годы возможностей получить высшее образование стало больше
- В последние годы возможности получить высшее образование не изменились
- В последние годы возможностей получить высшее образование стало меньше

Рис. А5. Оценка населением динамики доступности высшего образования в разрезе образовательного уровня респондентов (2020 г.), %²⁰

Источник: См. рис. А3.

²⁰ Представлено распределение ответов на вопрос «Выберите утверждение, которое в наибольшей степени отражает возможности получить высшее образование для людей вашего круга».

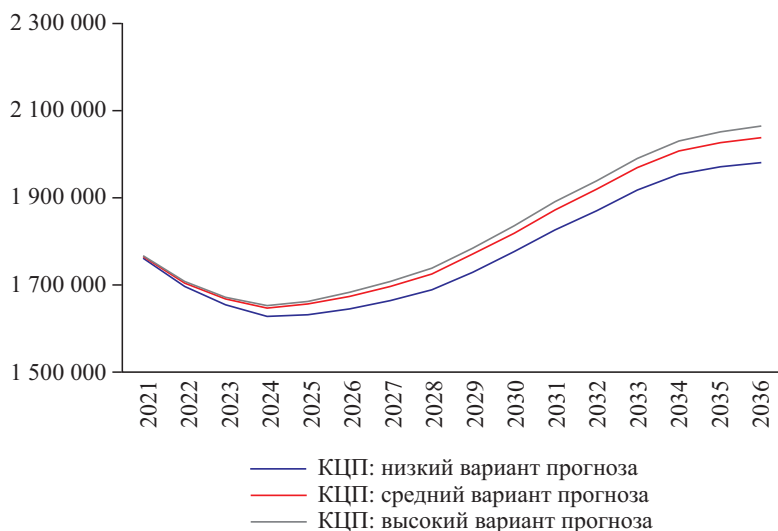

Рис. А6. Количество бюджетных мест в вузах, необходимое для реализации нормы ФЗ «Об образовании» (не менее 800 студентов на каждые 10 000 человек из возрастной группы 17–30 лет) для разных вариантов демографического прогноза (2023—2036 гг.)

Источник: Расчеты авторов по данным Росстата. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года: <<https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285>>.

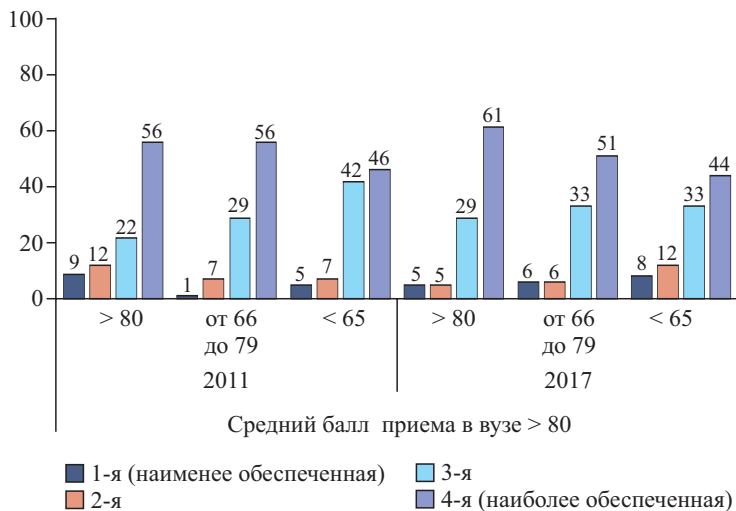

Рис. А7. Распределение студентов вузов разного уровня селективности (средний балл ЕГЭ) в разрезе материального положения семей (доходных групп), (2011 и 2017 гг.), %

Источник: [Малиновский, Шибанова, 2022]; Мониторинг экономики образования, опрос студентов очных отделений вузов: <<https://memo.hse.ru/>>.

Рис. А8. Планы студентов после окончания бакалавриата / специалитета (2021 г.), %²¹

Источник: Онлайн-опрос студентов российских вузов об оценке качества высшего образования в условиях пандемии и после нее, июнь-июль 2021 г., НИУ ВШЭ.

²¹ Представлено распределение ответов на вопрос «Что из перечисленного лучше всего описывает ваши планы после окончания бакалавриата/специалитета?», n = 25067.

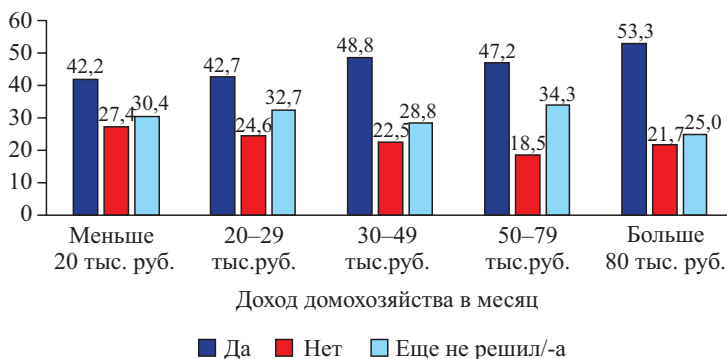

Рис. А9. Планы студентов на обучение в магистратуре в разрезе материального положения (2017 г.), %

Источник: Данные исследования «Траектории в образовании и профессии», 2017 г.: <<https://trec.hse.ru/>>.

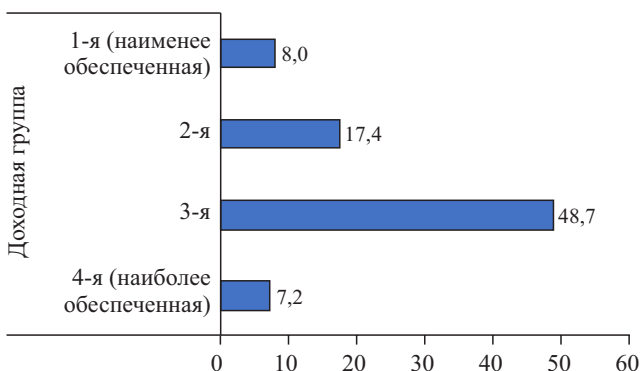

Рис. А10. Распределение студентов магистратуры по материальному положению семей²² (2021 г.), %

Источник: Опрос студентов российских вузов об оценке качества высшего образования в условиях пандемии и после нее, n = 27135, n магистров = 2373, невзвешенные данные, НИУ ВШЭ.

²² Материальное положение: 1-я группа (наименее обеспеченная): «Живем крайне экономно, на ежедневные расходы хватает, а покупка одежды уже представляет трудности»; 2-я группа: «На еду и одежду хватает, но покупка крупной бытовой техники без обращения

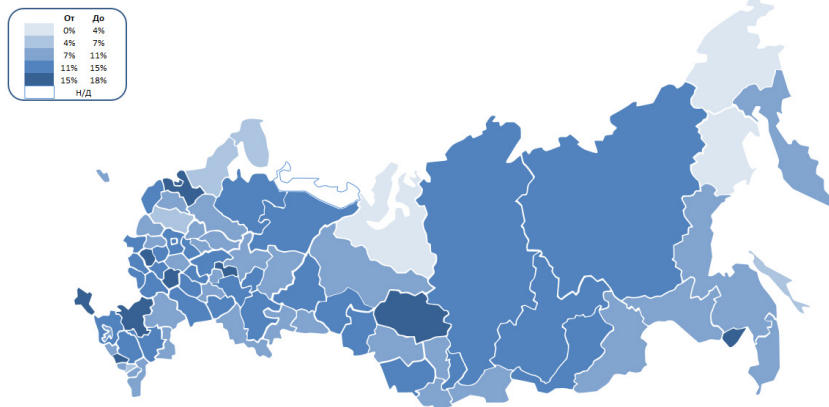

Рис. А11. Отношение численности студентов магистратуры к общей численности студентов по регионам РФ (2021 г.), %

Источник: Данные Мониторинга эффективности деятельности организаций высшего образования Министерства высшего образования и науки РФ, 2021 г.: <<https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo>>.

к кредиту проблематична»; 3-я группа: «В целом обеспечены, но не можем позволить себе дорогостоящие приобретения (путешествия, автомобиль и т. д.) без обращения к кредиту»; 4-я группа (наиболее обеспеченная): «Хорошо обеспечены, можем достаточно легко позволить себе покупку автомобиля или дорогостоящий отдых». Исключены респонденты, отметившие опции «Хочу пропустить вопрос» (13,9%) и «Затрудняюсь ответить» (4,9%).

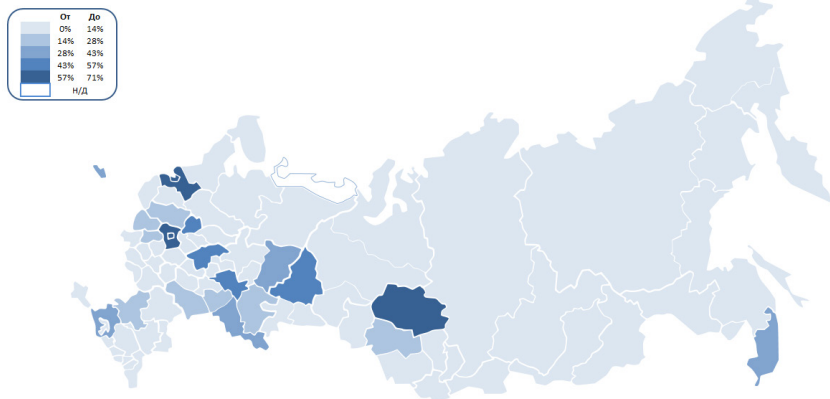

Рис. А12. Отношение численности студентов вузов со средним баллом приема ЕГЭ выше 70 баллов к общей численности студентов в регионе (2021 г.), %

Источник: См. рис. А11.

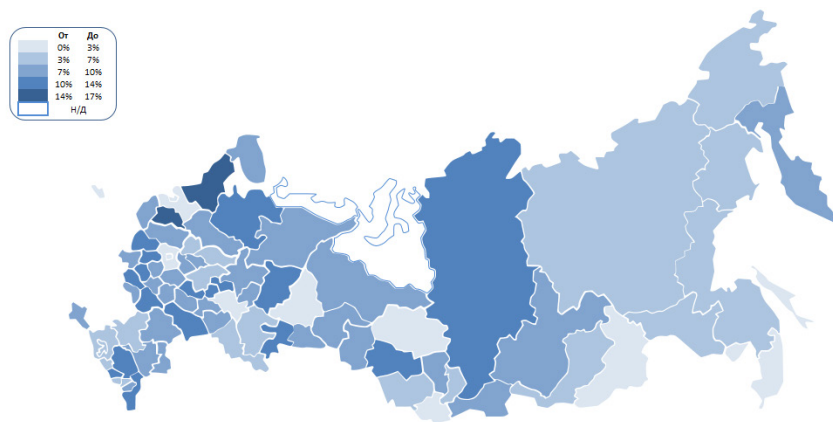

Рис. А13. Отношение численности студентов-отличников (ЕГЭ выше 80 баллов) в относительно неселективных вузах (средний балл приема меньше 70) к общей численности студентов в вузах региона (2021 г.), %

Источник: Данные Мониторинга качества приема в вузы НИУ ВШЭ, 2021 г.: <<https://ege.hse.ru/>>.

ДОСТУПНОСТЬ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: КАК ПРЕВРАТИТЬ ЭКСПАНСИЮ В РАВЕНСТВО

Малиновский Сергей Сергеевич,

кандидат политических наук, старший научный сотрудник ПУЛ «Развитие университетов» Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: smalinovskiy@hse.ru

Шибанова Екатерина Юрьевна,

научный сотрудник ПУЛ «Развитие университетов» Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: eshibanova@hse.ru

Аннотация. Достигнув массового охвата третичным образованием, Россия столкнулась с новым вызовом: как конвертировать образовательную экспансию в равенство образовательных возможностей. Относительный охват высшим образованием стабилизировался, а прирост числа мест в вузах распределился неравномерно: по группам населения, по университетам, по регионам. Несмотря на экспансию высшего образования, доступность разных уровней третичного образования социально детерминирована, качество высшего образования становится социально обусловленной привилегией. Цель доклада — проанализировать системные вызовы, связанные с доступностью высшего образования и дифференциацией образовательных возможностей, а также предложить направления изменений для ответа на эти вызовы и риски.

Представленный анализ будет полезен исследователям образования и широкому кругу читателей, интересующихся проблематикой доступности высшего образования. Полученные результаты могут быть использованы при построении гипотез дальнейших исследований доступности высшего образования, неравенства образовательных возможностей, а также при планировании политики в области образования.

Ключевые слова: высшее образование в России, неравенство, доступность высшего образования, образовательные траектории, образовательная политика.

ACCESS TO HIGHER EDUCATION IN RUSSIA: HOW TO TURN EXPANSION INTO EQUALITY

Malinovskiy Sergey,

Candidate of Sciences (PhD), Senior Research Fellow, Laboratory for University Development, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics.

E-mail: smalinovskiy@hse.ru

Shibanova Ekaterina,

Research Fellow, Laboratory for University Development, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics.

E-mail: eshibanova@hse.ru

Abstract. After achieving mass participation in tertiary education, Russia faced a new challenge: how to turn educational expansion into equality of educational opportunities. Relative enrollment in tertiary education has stabilized, while the increase in the number of places in higher education has been unevenly distributed: across population groups, across universities, and across regions. Despite the expansion of higher education, the accessibility of different levels of tertiary education is socially determined, the quality of higher education is becoming a socially conditional privilege. This study aims to analyse the system-level challenges related to the accessibility of higher education and the differentiation of educational opportunities, and to suggest areas in which these challenges and risks can be addressed.

The analysis will be useful for education researchers and a wide range of readers interested in the issues of accessibility of higher education. The findings can be used in constructing hypotheses for further research on accessibility of higher education, inequalities of educational opportunities, as well as in education policy planning.

Keywords: higher education in Russia, inequality, access to higher education, educational pathways, education policy.

Один из сильнейших университетов страны приглашает на бюджетные места

Институт образования НИУ ВШЭ предоставляет уникальную возможность для профессионального развития и карьерного роста. Образовательные программы построены с учетом научных разработок и изменений в законодательстве. Среди преподавателей — ведущие российские и зарубежные ученые, признанные эксперты-практики российского образования.

МАГИСТЕРСКИЕ ПРОГРАММЫ

Для выпускников бакалавриата и специалитета

Период обучения: 2 года

Форма обучения: очная

■ **«Доказательное развитие образования»**

Академический руководитель — В.А. Мальцева

Научный руководитель — Т.Е. Хавенсон

■ **«Обучение и оценивание как наука»**

Академические руководители — А.А. Куликова (Пономарева), М. Арсалиду

Научный руководитель — Е.Ю. Карданова

■ **«Педагогическое образование»**

Академический руководитель — М.А. Лытаева

Для руководителей вузов и школ

Период обучения: 2,5 года

Форма обучения: очно-заочная

■ **«Управление в высшем образовании»**

Академический руководитель — Н.К. Габдрахманов

■ **«Управление образованием»**

Академический руководитель — А.А. Кобцева

Научный руководитель — А.Г. Каспржак

■ **«Цифровая трансформация образования»**

Академический руководитель — Е.Д. Патаракин

Обучение осуществляется как бесплатно на бюджетной основе, так и с оплатой на договорной основе. Работникам государственных и муниципальных бюджетных учреждений социальной сферы предоставляется 50%-ная скидка на обучение.

Департамент образовательных программ Института образования НИУ ВШЭ

<https://ioe.hse.ru/masters>

Тел.: 8 (495) 772-95-90 (доб. 22550)

Тел.: 8 (916) 335-15-58

АСПИРАНТСКАЯ ШКОЛА ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Институт образования НИУ ВШЭ приглашает к поступлению в уникальную для России Аспирантскую школу по образованию. Школа объединяет всех, кто хочет заниматься практическими и фундаментальными исследованиями в образовании, не ограничиваясь рамками традиционной педагогики. Поэтому, помимо тех, кто уже получил педагогическое образование, аспирантура ориентирована на выпускников социальных, гуманитарных, экономических и других специальностей.

Преимущества программы:

- ✓ Практика исследований и возможность трудоустройства с первых дней
- ✓ Степень кандидата наук НИУ ВШЭ об образовании / PhD HSE in Education
- ✓ Междисциплинарная подготовка
- ✓ Зарубежные стажировки по теме исследования
- ✓ Участие в совместных проектах с лидерами мировых рейтингов: Бостонским колледжем, Стэнфордским университетом, Гарвардским университетом, Университетским колледжем Лондона и др.
- ✓ Доступ к уникальным данным международных и российских исследований из баз PISA, TIMSS, TALIS, SERU, IPIPS, PIAAC, МЭО
- ✓ Регулярные презентации новых исследований в сфере образования
- ✓ Доступ ко всем образовательным ресурсам Высшей школы экономики

Школа предлагает две формы обучения:

Академическая аспирантура — для тех, кто хочет полностью сфокусироваться на развитии научной карьеры. Это очная аспирантура «полного дня» с обязательным включением в работу профильного для вас центра Института образования и обязательной стажировкой в зарубежном вузе-партнере. Аспиранты получают стипендию и зарплату аналитика или стажера-исследователя в выбранном центре.

Профессиональная аспирантура — для тех, кто уже нашел себя в бизнес- и управленческих структурах сферы образования. Эта очная программа дает возможность совмещать обучение с занятостью вне стен Института.

Как поступить?

По конкурсу портфолио. Набор проходит два раза в год: с декабря по март и с августа по сентябрь. До подачи документов необходимо выбрать будущего научного руководителя и обсудить тему исследования, подготовить и согласовать его план-проект.

Обучение бесплатное — три года. Иногородним предоставляется общежитие.

Аспирантская школа по образованию:

<https://aspirantura.hse.ru/ed>

Тел.: 8 (495) 772-950-90 (внутренний 22714)

Лицензия на осуществление образовательной деятельности № 2593 от 24.05.2017.

Свидетельство о государственной аккредитации № 1820 от 30.03.2016.

На все вопросы о поступлении и обучении ответит академический директор Аспирантской школы Канонир Татьяна Николаевна:

E-mail: tkanonir@hse.ru,

моб. тел.: +7(968) 938-53-65.

Научное издание

Серия
Современная аналитика образования

№ 7 (67)

**ДОСТУПНОСТЬ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ:
КАК ПРЕВРАТИТЬ ЭКСПАНСИЮ В РАВЕНСТВО**

Редактор: И. Гумерова
Компьютерная верстка: Н. Пузанова

Подписано в печать 26.11.2022. Формат 60×84 1/16
Усл.-печ. л. 4,53. Уч.-изд. л. 4,12. Тираж 100 экз.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел.: +7 495 624-40-27

Институт образования
101000, Москва, Потаповский пер., д. 16, стр. 10
Тел.: +7 495 772-95-90*22235
ioe@hse.ru

